

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БАКАЛАВРИАТ

**«Механизм применения правовых презумпций в сфере
несостоятельности (банкротстве)»**

Дипломная работа
Барановой Александры Борисовны

Научный руководитель
д.ю.н., профессор
Карелина Светлана Александровна

Москва
2020 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Общеправовая характеристика презумптивного механизма....	8
§1. Проблема презумпций в праве: анализ доктринальных положений теории правовых презумпций	8
§2. Понятие правовой презумпции, отграничение от сходных правовых явлений.....	19
§3. Роль правовых презумпций в праве.....	26
Глава 2. Презумптивный механизм в институте несостоятельности (банкротстве).....	31
§1. Понятие и место правовых презумпций в системе отношений несостоятельности (банкротстве).....	31
§2. Правовые формы реализации легальных свойств презумптивного механизма в институте несостоятельности (банкротстве).....	44
§3. Правовая презумпция и правовой принцип: соотношение понятий.....	52
Глава 3. Механизм применения правовых презумпций в институте несостоятельности (банкротстве) на примере презумпции вины контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов.....	60
§1. Понятие и правовая природа ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности (банкротстве)	60
§2. Действие презумптивного механизма на примере презумпции вины контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов	69
Заключение	76
Список литературы.....	79
Правовые акты.....	79
Акты официального толкования и применения права.....	80
Монографии, учебники и учебные пособия.....	82
Статьи и публикации в прессе	85
Диссертация и авторефераты диссертаций.....	88

Введение

Актуальность темы исследования. В каждом пятнадцатом деле о банкротстве рассматривается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц¹, при этом, «если в 2015 г. удовлетворялось каждое двадцать пятое заявление, то в 2017г. – каждое четвертое»². Сегодня, как отмечает Р.Т. Мифтахутдинов, «можно смело констатировать, что в результате реформы субсидиарной ответственности при банкротстве, начало которой было положено в 2009 г.³, а также изменений 2017 г.⁴, отечественный правопорядок заполучил стройную и логичную систему правового регулирования»⁵, устранены неизбежные при сверхгенерализации изучаемых норм «ошибки роста». Ключевым элементом реформы стало введение ряда презумптивных конструкций⁶, что способствовало достижению целей законодателя в рамках концептуальной борьбы со многочисленными злоупотреблениями и правонарушениями субъектов отношений несостоятельности (банкротства). Тем не менее презумптивный инструментарий, часто напрасно рассматриваемый лишь как элемент юридической техники, обладает не только процессуально-правовым потенциалом. По этим причинам требует тщательного изучения концепция правовых презумпций в целом и определение правовой природы данного феномена в системе правового регулирования.

¹ Материалы круглого стола «Субсидиарная ответственность владельцев компании-банкрота: как работает этот институт?» // Корпоративные стратегии. 2017. № 4. Приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2017. № 15.

² Алферов В.И., Коригов М.М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмент повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // «МИР (Модернизация. Инновация. Развитие)». 2018. № 3.

³ Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч.1). Ст. 2153.

⁴ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. N31 (ч. I). Ст. 4815.

⁵ Мифтахутдинов Р. Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2018 г. №7.

⁶ На протяжении работы мы будем использовать термины «презумпция», «презумптивные конструкции, механизмы», «презумптивный инструментарий» в силу комплексности и уникальности самого явления как синонимичные.

Степень разработанности темы. Теоретические изыскания в области проблематики правовых презумпций продолжаются на протяжении длительного времени. Первоначально исследования правовой природы презумпций происходило в научных работах С.А. Муромцева⁷, Р. фон Иеринга⁸, И.Г. Оршанского⁹, Д.И. Мейера¹⁰. Указанные авторы рассматривали презумпции как элемент юридической техники. Об особой роли презумпций в судопроизводстве говорили Я.Б. Левенталь¹¹, А.Ф. Клейман¹², К.С. Юдельсон¹³. Они считали, что презумпция должна использоваться в качестве исключения из общих правил доказывания и применяться как основание освобождения от доказывания. Подчеркивая важность также и материально-правовых свойств презумпции, о законности и обоснованности презумптивных судебных актов в отечественной правовой доктрине высказывал предположение Г.Ф. Дормидонтов¹⁴. В советском праве комплексному анализу презумптивных конструкций посвящены фундаментальные исследования В.И. Каминской¹⁵, В.А. Ойгензихта¹⁶, В.К. Бабаева¹⁷, Н.Ф. Качур¹⁸. В период с 2000 по 2015 годы был подготовлен целый ряд диссертационных исследований по отраслевой проблематике презумпций,

⁷ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. – М., 2003.

⁸ Рудольф фон Иеринг. Юридическая техника /. - Москва : Статут, 2008.

⁹ Оршанский И. Г. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4, кн. 5.

¹⁰ Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854.

¹¹ Левенталь Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1949. № 6.

¹² Клейман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1974

¹³ Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951.

¹⁴ Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций : Исслед. Г.Ф. Дормидонтова : [Дис.]. - Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1895.

¹⁵ Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948.

¹⁶ Ойгензихт В.А. Презумпция в советском гражданском праве. Душанбе, 1976.

¹⁷ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

¹⁸ Качур Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982.

среди них работы И.В. Сухиной¹⁹, Ф.Г. Шахкелдова²⁰, О.А. Кузнецовой²¹, Б.А. Булаевского²². Однако, зачастую в силу стремления большинства авторов максимально осветить все сущностные аспекты правовой природы презумптивных механизмов, за рамками научного анализа остается их роль в системе правового регулирования. В частности, в правовой доктрине отсутствуют полноценные исследования, посвященные как теоретическим, так и практическим аспектам применения и роли презумпций в институте несостоятельности (банкротстве), для которого презумпции уже успели стать неотъемлемой частью механизма концептуальной борьбы со злоупотреблениями субъектов отношений несостоятельности (банкротства).

С учетом того факта, что законодатель посредством расширения правовых форм реализации легальных свойств презумпций постоянно указывает на их значимость в процессе правового регулирования, требуется и развитие доктринальных концепций по совершенствованию способов применения правовых презумпций.

Цели и задачи исследования. Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе презумптивного механизма в институте несостоятельности (банкротстве). С учетом общей цели поставлены следующие задачи :

- Сформулировать собственное определение правовых презумпций применительно к институту несостоятельности (банкротству) и выявить особенности их применения;
- Определить место презумптивных конструкций в правовом регулировании несостоятельности (банкротства);

¹⁹ Сухина И. В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

²⁰ Шахкелдов Ф. Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: Дис. ... канд. юрид. наук. Майкоп, 2006.

²¹ Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2004

²² Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений : монография / Б. А. Булаевский ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва : ИНФРА-М, 2014

- Доказать важность не только процессуально-правового, но и материально-правового значения презумпций;
- Рассмотреть вопрос о правовых формах реализации легальных свойств презумпции (в частности, о возможности презумпций выступать в качестве оснований привлечения к субсидиарной ответственности в сфере несостоятельности (банкротстве));
- Установить субъективный состав правоотношений в процессе применения презумпций в институте несостоятельности (банкротстве);
- Проанализировать свойства презумпций для целей модификации (минимизации) судебного усмотрения;
- Описать механизм презумпции вины контролирующего должника лица за невозможность полного погашения требований кредитора.

Объект исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в связи с использованием презумптивных конструкций в институте несостоятельности (банкротстве).

Предмет исследования. Предметом исследования являются доктринальные положения, нормы российского права, судебная практика, опосредующие применение презумптивного механизма.

Методы исследования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (исторический метод, метод сравнительного и системного анализа) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод).

Научная новизна исследования. Настоящая работа представляет собой один из первых в российской правовой действительности труд, посвященный комплексному анализу роли правовых презумпций в институте несостоятельности (банкротстве). Настоящее исследование позволило автору сформулировать и обосновать следующие положения, выносимые на защиту:

1. Правовая презумпция в институте несостоятельности (банкротстве) – это индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов

(представленных участниками отношений несостоятельности (банкротства) с учетом особых правил распределения обязанности по доказыванию) судом, объективированный в форму высоко вероятностного заключения, являющегося основанием для разрешения дела по существу и влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения.

2. Роль правовых презумпций в сфере несостоятельности (банкротства) сводятся к следующему:

2.1 Презумпции, являясь основанием субсидиарной ответственности (подчеркнем, что в общеправовом смысле следует рассматривать презумпции лишь как предпосылки юридической ответственности) способны лечь в основу судебного акта;

2.2 Презумпции влияют на модификацию свободы судебного усмотрения;

2.3 Презумпции в сфере несостоятельности (банкротстве) являются ключевым средством для преодоления правовой неопределенности;

2.4 Презумпции представляют собой гарантии защиты и обеспечения прав кредиторов, при этом широкая регламентация презумптивного механизма не свидетельствует о прокредиторском характере банкротного законодательства Российской Федерации.

Структура дипломной работы. Структура изложения обусловлена кругом исследуемых проблем. Дипломная работа состоит из введения, трех глав (включающих в себя 8 параграфов), заключения, списка литературы (правовые акты и акты применения права, монографии, учебные пособия, статьи, а также диссертационные исследования по тематике дипломной работы).

Глава 1. Общеправовая характеристика презумптивного механизма

§1. Проблема презумпции в праве : анализ доктринальных положений теории правовых презумпций

Презумпция как логическая и правовая категория имеет многовековую историю²³. По замечанию исследователя истории правовых явлений З.М. Черниловского, обществу стало известно о презумпциях задолго до римского права и самой латыни : упоминания о презумпциях встречаются еще в правовой системе Древнего Востока²⁴.

Наиболее ярким примером использования презумпции в римском праве является «Муцианова презумпция» (*praesumptio Muciana*) (D. 24. 1. 51). Автором данной презумпции является «настоящий юрист»²⁵ Квинт Муций Сцевола, речь которого отличалась большой разумностью и остроумием по мнению Цицерона. Сцевола считал, что будет благочестиво не пытаться узнать у замужней женщины, каким образом соответствующее имущество было ею приобретено, но следует же предполагать, что всякое приобретение пришло ей от мужа. Цель закрепления вышеуказанной презумпции видится в пресечении подозрений в совершении женщиной «позорного приобретения».

Муцианова презумпция не является единственным примером применения презумпций в праве Древнего Рима. Отдельный титул Двадцать второй книги Дигест Юстиниана (D. 22. 3.) также посвящен презумпциям («О доказательствах и презумпциях» / «*De probationibus et praesumptionibus*»), некоторые из них закреплены и в настоящее время в законодательствах разных стран.

²³ Абрамов С.И. К вопросу о роли правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве // Право и экономика. 2019. № 5.

²⁴ См.: Черниловский З.М. Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право. 1984. № 1.

²⁵ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. – М., 2003.

Классификация презумпций появляется гораздо позже. Так, средневековыми юристами в ее основу было положено дихотомическое деление на презумпции фактические (*praesumptiones facti*) и законные (*praesumptiones juris*). Последние, в свою очередь, также могут быть дифференцированы по основанию «опровержимость»: законная опровержимая (*praesumptiones juris et jure*) и законная опровержимая (*praesumptiones juris tantum*) презумпция.

С точки зрения права интерес для изучения представляют правовые опровержимые и опровержимые презумпции. Именно они будут являться предметом анализа данной работы.

Несмотря на многолетнюю историю использования вышеупомянутого правового явления, единого определения «презумпция» так и не было выработано правовой доктриной. Правовая природа данного явления по-прежнему остается спорной. В связи с этим, нам видится необходимым рассмотреть сложившиеся к настоящему времени точки зрения по вопросу правовой природы презумпций. Однако перед непосредственным анализом различных дефиниций следовало бы проанализировать соотношение понятий «презумпция» и «предположение», а также уточнить возможно ли первое определять через второе.

Наиболее распространенным вариантом перевода латинского слова «*praesumptio*» является «предположение, ожидание, надежда». По мнению И.С. Перетерского, именно слово «предположение» (а не слово «презумпция», иногда используемое в отечественной правовой науке²⁶) представляет собой точный перевод латинского термина «*praesumptio*»²⁷. Тем не менее данный вариант перевода не является единственным. Согласно латино-русскому словарю И. Х. Дворецкого, данный термин имеет

²⁶ Далее в работе будет рассмотрено, что некоторые правоведы определяют презумпции через слово «предположение», а в некоторых источниках и вовсе его заменяют.

²⁷ См.: Французский гражданский кодекс 1804 года / Пер. И.С. Перетерского. М., 1941. Приводится по: Юдельсон К.С. Избранное: Советский нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 2005.

несколько значений. Слово «praesumptio» также может быть переведено с латыни как «преждевременное пользование, заблаговременное использование» или как «предубеждение, предвосхищение намерений, упреждение»²⁸.

При проведении морфемного разбора русских синонимов латинского термина «praesumptio» можно обратить внимание на частоту повторения приставки «пред». В русском языке соответствующая приставка имеет значение «предшествования» (а, значит, мы можем говорить о некоторой последовательности взаимосвязанных элементов – о процессе). Таким образом, основываясь на данном этапе только лишь на морфемном анализе слов, можно допустить, что презумпция представляет собой некоторое длящееся по времени явление (данный тезис будет конкретизирован в следующих параграфах работы), цель которого заключается в формировании определенного убеждения на основе заранее, заблаговременно известных фактов. Предположение же в свою очередь представляет лишь единичное убеждение – результат определенной деятельности, а не сам процесс, который, как нам видится, имеет гораздо более важное значение для правовой науки.

Автор многочисленных работ по рассматриваемой теме Б.А. Булаевский также не считает, что следует отождествлять презумпцию с предположением. «Предположение как внеправовая категория есть либо суждение, либо основанное на нем умозаключение. Следовательно, определение правовой презумпции через ключевое слово «предположение» не может быть принято для отражения ее правовой сущности»²⁹. Булаевский уверен, что для определения правовой природы более важной видится юридическая конструкция, выстраиваемая на основе предположения, но не само предположение³⁰.

²⁸ Латино-русский словарь.- 12-е изд., стереотип., изд. ДРОФА, М., 2009 г.

²⁹ Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: ИЗиСП, 2013.

³⁰ Там же

Перейдём же к непосредственному анализу дефиниций правовых презумпций. Как ранее указывалось, в работах классиков отечественной и зарубежной цивилистики нередко можно встретить термин «предположение», однако под ним следует понимать именно презумпции в их современном значении.

«Могущею» силою права называет Д.И. Мейер факты, существованию которых чужда несомненность. Д.И. Мейер в работе «О вымыслах и предположениях...» рассматривает предположение (презумпцию) как признание факта существующим по вероятности его существования³¹. Автор монографии видит использование презумпций уместным тогда, когда законодатель в силу объективной невозможности регламентации конкретной жизненной ситуации не против использования дополнительного регулятивного механизма.

Как важный элемент юридической техники рассматривал презумпции автор одноимённой концепции (концепция юридической техники) Р. фон Иеринг. В ситуации, когда решение должно последовать, «но конкретное юридическое отношение имеет признаки как одного, так и сходного с ним другого правового явления, для принятия решения в этом сомнительном случае нужна какая-нибудь тяжесть, которая заставила бы весы склониться на ту или другую сторону – это и есть юридическое предположение (*praesumptio juris*)»³². Данное определение роли правовых презумпций назвать исчерпывающим нельзя. Применение презумпций как элемента юридической техники может быть также обусловлено стремлением законодателя детализировать недавно введенную в юридический оборот дефиницию³³.

Как нам кажется, соответствующее понимание презумпций как элемента юридической техники представляется довольно узким, не

³¹ Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях [Соч.] Д. И. Мейера – Казань: [б. и.], 1854.

³² Р. фон Иеринг. Юридическая техника /. - Москва : Статут, 2008.

³³ Там же

раскрывающим особенности этого правового явления. Соответствующее определение явно не учитывает современную практику применения правовых презумпций, которые обеспечивают в некоторых случаях базовое регулирование правоотношений.

Через взаимосвязь двух фактов рассматривал правовую природу презумпций отечественный юрист-правовед И.Г. Оршанский. Цивилист утверждал, что «законные презумпции проявляют себя во всех тех случаях, когда закон предписывает от одного определенного факта заключать о существовании другого, и это заключение обязательно для суда, пока противное не будет доказано»³⁴. Обратим внимание, что ученый делает вывод о достаточности лишь одного факта, чтобы заключить о допустимом существовании другого. Определение И.Г. Оршанского сводит конструкцию презумпции к наличию взаимосвязи между (единственным) фактом и заключением о нем, отрицая возможность совокупности обстоятельств дела являться основанием заключения о факте. Полагаем, что данная конструкция презумпции противоречит сложившейся правоприменительной практике в сфере отношений несостоятельности (банкротстве). Рассмотрим данный тезис подробнее. Институту несостоятельности (банкротству) известен ряд презумпций. В частности, согласно пп. 4 п. 2 ст. 61.11 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 № 127-ФЗ³⁵ (далее – **Закон о банкротстве**), предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и(или) бездействий контролирующего должника лица, если документы, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации об акционерных обществах, о рынке ценных бумаг, об инвестиционных фондах, об обществах с ограниченной ответственностью, о

³⁴ Оршанский И. Г. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4, кн. 5.

³⁵ Федеральный Закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

государственных и муниципальных унитарных предприятиях и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют либо искажены.

Из вышеуказанной нормы, как минимум, следует то, что для применения презумпции вины контролирующих должника лиц необходим факт отсутствия или искажения соответствующей документации. Если следовать определению презумпции, данному И.Г. Оршанским, то законодателю следовало бы указать лишь на факт отсутствия документации или факт наличия искажений в ней, что уже могло рассматриваться в качестве исчерпывающего основания для применения презумпции вины контролирующих должника лиц. Очевидно, что в этом случае происходит неприемлемое снижение стандартов доказывания. Такая практика может привести к массовому привлечению к ответственности невиновных лиц. Как следствие, увеличится количество судебных актов суда апелляционной инстанции, отменяющих судебный акт суда первой инстанции, а это вызовет недоверие к деятельности правоприменителя.

В связи с этим сам правоприменитель обращает внимание, что для использования соответствующей презумпции необходима совокупность фактов: не только факт отсутствия или искажения документации, но и факт того, что такое отсутствие или искажение документации влечет существенные затруднения проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве. Данное разъяснение содержится в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»³⁶.

³⁶ Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

Таким образом, вышеуказанный пример свидетельствует о правомерности и необходимости в ряде случаев исследовать совокупность фактов, способных лечь в основу презумптивной конструкции. Для подтверждения нашей позиции приведем еще несколько соответствующих примеров. Так, новеллой законодательства о банкротстве является презумпция наличия контроля у лиц, которые извлекают выгоду из незаконного или недобросовестного поведения единоличного исполнительного органа и членов коллегиальных органов управления юридического лица (пп. 3 п. 4 ст. 61. 11 Закона о банкротстве³⁷). Для признания лица контролирующим должника необходимо установление следующих фактов: во-первых, данное лицо должно было извлечь существенную (имеется в виду существенную соразмерно масштабам деятельности должника) выгоду, во-вторых, такая выгода в виде увеличения активов образовалась в результате того, что действия руководителя должника не соответствовали закону (в т.ч. принципу добросовестности). Вышеуказанная позиция подтверждается в разъяснениях, данных правоприменителем³⁸.

Советский правовед В. К. Бабаев (автор фундаментальной работы, посвященной презумпциям в советском праве³⁹) также пытался сформулировать понятие презумпции. Правовую презумпцию можно определить как закрепленное в нормах права, пишет В.К. Бабаев, предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом⁴⁰. Повторяемость повседневных жизненных процессов относится к условию объяснения логической природы правовых презумпций. Цитируемый автор считает, что повторяемость жизненных процессов есть закономерность, обычное явление в повседневной жизни. И

³⁸ П. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

³⁹ Презумпции в советском праве. Учебное пособие / Бабаев В.К. - Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974.

⁴⁰ Там же

только потому, что они выражают наиболее обычный порядок вещей и явлений, соответствующим предположениям придается сила истинных, не требующих доказывания.

Свою точку зрения В.К. Бабаев подтверждает следующим образом. Нормативное закрепление презумпции общности супругов и равенства их долей в ст. 20 Кодекса о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г.⁴¹ обусловлено тем фактом, что в течение длительного времени совместно проживающие супруги не подразделяли имеющееся в их собственности имущество, пользовались им совместно, то есть человеческая практика совместного использования супругами имущества легла в основу презумпции.

Соответствующий пример презумпции общей собственности супругов (которая сформировалась под влиянием предшествующего опыта, человеческой практики) как доказательство того, что презумпция есть предположение, подтвержденное предшествующим опытом, не является бесспорным аргументом.

Так, по замечанию П.Л. Полянского, в основе формирования института общей собственности супругов действительно лежит дореволюционный обычай⁴² (данная точка зрения не является общепринятой⁴³). При этом ученый конструкцию общей собственности супругов к презумпциям не относит, соответствующий институт рассматривается правоведом как принцип обычного права⁴⁴. Об отнесении данного принципа к нормам обычного права свидетельствует, во-первых, тот факт, что нормативно правовые акты периода Российской империи, советского периода принципиально не

⁴¹ Кодекс о браке и семье РСФСР// Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

⁴² См.: Полянский П.Л. К вопросу об обычаях как источнике права в Советской России в 1917-1921 гг. // Вестник Московского Университета (серия 11 «Право»). 2019. № 1.

⁴³ См.: Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма : Инфра-М, 2013. По мнению М.В. Антокольской, презумпция общности супружеского имущества обусловлена существом брачного правоотношения, в котором супруги составляют семейный союз, естественно-природное единство и благоприобретенную собственность.

⁴⁴ О недопустимости в каждом случае отождествлять презумпции и принципы см. в Главе II настоящей работы.

признавали институт общей собственности (ст. 109 и 180 Свода законов гражданских⁴⁵ устанавливали раздельную собственность супругов⁴⁶, а в КЗАГС⁴⁷ 1918 года данный институт отсутствовал⁴⁸), во-вторых, до наших дней дошли разъяснения Центроземов различных губерний, где прямо указано, что источником происхождения общей собственности является общий труд⁴⁹.

Согласно логике В.К. Бабаева, существование презумпции подкрепляется нормативным закреплением обычая, однако, как следует из вышесказанного, институт общей собственности супругов не всегда имел нормативное закрепление, а в некоторые периоды и вовсе отрицался. Более того, если мы будем рассматривать определение ученого как истинное, то должны будем констатировать прямое соотношение количества презумпций и количество норм, закрепляющих правовые обычаи. Действительности отечественной правовой системы говорят нам совершенно об обратном : процентное соотношение презумптивных и обычных норм в российском законодательстве неодинаковое.

Закрепление тех или иных положений законодательства не всегда обусловлено многократностью повторения того или иного действия, практикой поведения. Многократность повторения может сформироваться под влиянием субъективных причин у взаимодействующих субъектов. Так, практика определенных взаимоотношений не всегда становится универсальной, единообразной в силу отличительных, индивидуальных особенностей каждого субъекта правоотношений. Более того, даже сам законодатель допускает вариативность моделей поведения, взаимодействия

⁴⁵ Т. X ч. 1 Свода законов Российской империи, 1914.

⁴⁶ См.: Полянский П.Л. К вопросу об обычае как источнике права в Советской России в 1917-1921 гг. // Вестник Московского Университета (серия 11 «Право»). 2019. № 1.

⁴⁷ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // СУ РСФСР. 1918. №76-77. Ст. 818

⁴⁸ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России / Под ред. , предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.

⁴⁹ Приводится по : Полянский П.Л. К вопросу об обычае как источнике права в Советской России в 1917-1921 гг. // Вестник Московского Университета (серия 11 «Право»). 2019. № 1.

субъектов. К примеру, надлежащее исполнение обязательств может быть осуществлено в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями⁵⁰ (заведённый порядок), то есть практикой взаимоотношений сторон конкретного договора, которая сложилась между ними в предшествующих отношениях. Таким образом, определенный порядок в силу практики взаимоотношений будет иметь юридическую силу лишь для контрагентов, источником же права он не становится. Стоит также отметить, что не всякие действия, повторяемые в течение длительного времени, могут лечь в основу презумптивного механизма, санкционируемого государством.

Н. Ф. Качур определяла презумпции как предположения, которые являются предпосылками установления юридического факта, либо и вовсе способны заменить собой юридический факт⁵¹. Рассматривать как тождественную презумпциям категорию «юридические факты» мы правовых оснований не находим (соответствующий тезис будет предметом исследования в следующих параграфах).

Таким образом, мы можем заметить, что правовая природа презумпций, их конститутивные особенности в течение длительного времени являлись предметом научных дискуссий в праве, однако ни в правовой литературе ни в законодательстве не было выработано единого подхода к определению «презумпции».

⁵⁰ Ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. В силу с 1 октября 2019 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵¹ Качур Н.Ф. Презумпции в советском семейном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982.

§2. Понятие правовой презумпции, отграничение от сходных правовых явлений

Результат эффективности применения правовой конструкции зависит от того, насколько ее функционал окажется действенным при решении поставленных задач, насколько данное средство является подходящим. «Идентификация соответствия» происходит благодаря уточнению конститутивных особенностей правового явления. Таким образом, наиболее важным является формирование конкретной дефиниции любого правового явления. В связи с этим, в первую очередь перед нами стоит задача дать определение «правовой презумпции». Под определением термина имеется в виду именно указание характеристик предметов, которые он обозначает или должен обозначать⁵².

Мы можем выделить ряд следующих конститутивных особенностей презумптивных конструкций (презумпций).

Во-первых, под презумпциями мы подразумеваем не только результат индуктивной деятельности – некоторое предположение, которое станет предпосылкой для возникновения, изменения, прекращения правоотношений (наступление юридических последствий), но и сам индуктивный процесс аналитической деятельности. Предположение представляет из себя обобщенную характеристику гипотетически возможного явления, порожденного анализом совокупности юридических фактов. Если мы допускаем, что гипотетическое явление может лечь в основу судебного акта, к примеру, о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, то у нас должна быть совокупность весомых аргументов, свидетельствующих о высокой вероятности определенного факта. Именно данные аргументы (чье существование в действительности не должно вызывать сомнений) и будут являться предметом тщательной проверки, только по результатам которой возможно будет с высокой долей вероятности

⁵² Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. М.: Владос – Пресс, 2001

судить о наступлении взаимосвязанных событий. Таким образом, заслуживающей большего внимания нам видится система индуктивной деятельности, на основе которой выстроено предположение, и юридические последствия, которые может влечь предположение. Однако способность влечь правовые последствия сближает (но не отождествляет) презумпции с юридическими фактами.

Вызывающей живой интерес кажется идея, в основу которой положено рассмотрение соотношения презумпций и стройной системы юридических фактов, высказанная в работе «Вопросы теории права». Ее авторами являются выдающиеся советские ученые-правоведы О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский. Презумпцией вышеуказанные авторы называли «предположение о существовании юридического факта, вызвавшего наступление конкретных юридических последствий»⁵³. Презумпции, следовательно, заменяют собой юридический факт⁵⁴. Соответствующая теория в литературе получила название «идея о презумпциях, выполняющих роль юридических фактов»⁵⁵. Данная теория не направлена на отождествление юридических фактов и презумпций. Более того, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский приводят следующие аргументы в пользу дифференциации вышеуказанных понятий. В отличие от юридического факта, который имеет место в действительности, презумпции представляют собой лишь предположение о том, что данный факт имел место в действительности. Презумпция появляется там, где этот самый юридический факт отсутствует»⁵⁶ (или вернее сказать может отсутствовать, так как существует вероятность его наличия). К тому же юридические факты непроверяемы, тогда как презумпции таковыми являются.

⁵³ Вопросы теории права / Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. - М.: Госюриздат, 1961.

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Презумпции в советском праве. Учебное пособие / Бабаев В.К. - Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974.

⁵⁶ Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: ИЗИСП, 2013.

Мы также склонны дифференцировать соответствующие правовые категории. Как известно, под юридическими фактами понимают явления материального мира, существующие независимо от нашего сознания⁵⁷. Существование же презумпции обусловлено именно нашим мировосприятием, которое допускает общее умозаключение о наличии факта на основе частных заключений (индукция). Для бессознательного характерно отсутствие причинно-следственных связей, пространственно-временной ориентации, для презумпции же, наоборот, соответствующие категории имеют первостепенное значение. Таким образом, вышеописанные категории тождественными не являются.

Во-вторых, в основе презумптивной конструкции должна лежать совокупность юридических фактов, которые впоследствии станут предметом анализа. При анализе определения презумпции, данного И.Г. Оршанским, мы уже приводили пример, что не всегда «от одного определенного факта допустимо заключить о существовании другого»⁵⁸, и соответствующий тезис наглядно был продемонстрирован при анализе положений Закона о банкротстве относительно презумпции вины контролирующих должника лиц.

В-третьих, процессе индуктивной деятельности должен объективироваться в форму высоко вероятностного заключения (или максимально к нему стремиться) о наличии или отсутствии юридического факта. Вышеуказанная смысловая структура требует дополнительных пояснений. Обратимся к выдержкам из научной литературы. «В основе указанной презумпции – высокая вероятность того, что...»⁵⁹, «в основу презумпции положена высокая вероятность того, что...»⁶⁰, «презумпция позволяет суду не только установить обстоятельства на основе

⁵⁷ См.: Юридические факты в советском гражданском праве / Красавчиков О.А. - М.: Госюриздат, 1958.

⁵⁸ Оршанский И. Г. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4, кн. 5

⁵⁹ Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы (издание второе, перераб. и доп.). - М.: "Юстицинформ", 2018.

⁶⁰ Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000-2002 годов) // «Журнал Российского права». 2003. № 1.

достаточно высокой степени вероятности...»⁶¹, «правовой презумпцией является... умозаключение, обладающее относительно высокой степенью вероятности...»⁶², «любых презумпций как умозаключений, основанных на высокой степени вероятности того или иного факта»⁶³ – приведенные конкретизирующие тезисы свидетельствуют о том, что данный признак («высокая вероятность») рассматривается правоведами как неотъемлемая часть презумптивной конструкции. Аналогичная позиция высказана и в судебной практике. К примеру, в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда указано следующее : «...с учетом действующей презумпции добросовестности и обычаев делового оборота давало основания ответчику с высокой степенью вероятности полагать законность введения в оборот спорного товара...»⁶⁴. Однако всем ли презумпциям в действительности свойственна высокая степень вероятности и могут ли существовать презумпции без таковой? Обратимся к правовой доктрине. Так, профессором В.А. Ойгензихтом было выработано дихотомическое деление материально-правовых презумпций на презумпции очевидного факта и презумпции неустановленного факта⁶⁵. К первым ученый относил те презумпции, при которых определенный вывод о взаимосвязи совокупности некоторых фактов являлся наиболее соответствующим действительности и, как следствие, наиболее распространенным (к примеру, «презумпция смерти»). Тем не менее данные презумпции не должны становиться абсолютными. Ко второй группе В.А. Ойгензихт причислял презумпции, доказанность которых вызывала большие сомнения (к примеру, таковой по мнению правоведа могла являться презумпция добросовестности приобретателя).

⁶¹ Власов А.А. Адвокат как субъект обязанности доказывания в административном, гражданском, арбитражном судопроизводстве. - М.: Прометей, 2017.

⁶² Гуреев В.А. Банкротство физических лиц. Часть I. Основные изменения в законодательстве о несостоятельности // Библиотечка «Российской газеты». 2015. № 9.

⁶³ Вороной В.И. Добросовестность как гражданско-правовая категория // «Законодательство». 2002. № 6.

⁶⁴ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 октября 2016 г. № 15АП-14998/16 по делу № А 32-38310/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

⁶⁵ Ойгензихт В. А. Презумпция в советском гражданском праве. Душанбе, 1976

Допустимость рассматривать процесс индуктивной деятельности, доказанность юридических последствий которого не обусловлена высокой вероятностью наличия некоторого факта, как презумптивный механизм вызывает большие опасения для стабильности гражданского оборота и правовой системы в целом. Дело в том, что презумпция есть своего рода компромисс, на который соглашается законодатель в целях защиты «нуждающейся стороны». Применение презумптивных механизмов в случае отсутствия у законодателя и правоприменителя высокой степени уверенности существования определенного факта приведет к нарушению требований добросовестности, разумности и справедливости. Таким образом, одной из конститутивных особенностей презумптивного механизма является высокая вероятность, но не абсолютность, так как в данном случае отпадает необходимость использования презумпций в принципе. Данное утверждение приводит нас также к следующему выводу. Презумпции (или точнее сказать, те правовые явления, которые рассматриваются в правовой доктрине как презумпции), не основанные на высокой вероятности, называться таковыми не могут. Отсутствие высокой вероятности свойственно и так называемым «неопровержимым» презумпциям, в силу чего автор данного исследования сомневается в правильности выделения соответствующей категории. Так, отечественному правопорядку известна презумпция знания закона. Неоднократно ссылаясь на ее существование и Конституционный Суд Российской Федерации, к примеру, в своем Постановлении от 20 декабря 2018 г.⁶⁶ Целью презумпции мы видим возможность максимально приблизиться к вероятностной истинности. Однако, нельзя исключать ситуации, когда некоторое физическое или юридическое лицо действительно было несведущим в определенных правовых вопросах. Мы не анализируем причины отсутствия информированности о действующих правовых нормах и

⁶⁶ Определение КС РФ от 20 декабря 2018 г. № 3220-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Барченкова Виктора Николаевича и Барченковой Майи Васильевны на нарушение их конституционных прав частью 3 статьи 170 и частью 4 статьи 175 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

правовые последствия, которые влечет такое незнание, и также мы не спорим с тем обстоятельством, что «незнание закона не освобождает от ответственности». Мы лишь допускаем, что в действительности могла произойти ситуация, когда лицо не было осведомлено о конкретной правовой норме. Данное утверждение мы возьмем за истинное. В рамках презумптивного механизма, подчеркнем еще раз, мы стремимся приблизиться к вероятностной истинности, однако достичь ее невозможно, в связи с тем обстоятельством, что искомым истинным фактом будет являться ложное утверждение об осведомленности о конкретной правовой норме, таким образом, мы нивелируем всю сущность правовой природы презумпций. В основе презумпции знания закона (как ее принято называть) лежит фикция, по своей правовой природе отличная от презумпции.

Сознательное изучение правовой природы фикции как элемента юридической техники прослеживается уже в римском праве⁶⁷, так один из наиболее ярких примеров фикции можно встретить в римской формуле «adrogatio» (формула усыновления)⁶⁸. Более того, стоит отметить, что анализ юридических особенностей фикций является приоритетным направлением в области цивилистических исследований. Так, о конститутивных особенностях фикции как приема юридической техники писал Г. Ф. Дормидонтов. Ученый сводил свойство фикции к «допущению существующим известно несуществующего факта, обстоятельства или наоборот»⁶⁹. По мнению Т.В. Кашаниной, фикция «защищает вымышленный (ключевое слово) факт от любого опротестования»⁷⁰, «фикция – юридическое образование, противоречащее реальности»⁷¹. Таким образом, мы понимаем, что в основе фингирования лежит изначально несуществующий факт, для

⁶⁷ Pugliatti S. Finzione // Enciclopedia del diritto. Vol.XVII (Milano), 1968.P.

⁶⁸ Ширвиндт А. М.Значение фикции в римском праве : автореф. Дис...канд. юрид. наук. М., 2011

⁶⁹ Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций : Исслед. Г.Ф. Дормидонтова : Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1895

⁷⁰ Кашанина Т.В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник. - М.: «Проспект», 2018.

⁷¹ Там же

презумпции же, наоборот, важна высокая вероятность существования какого-либо факта. Придавая заведомо ложным явлениям характер высоко вероятных, мы полностью нивелируем правовую исключительность (самостоятельность) презумпций, отождествляя их с фикцией.

Для характеристика, презумпции как явления самостоятельного, перед нами также встает еще один важный вопрос – сводится ли существование презумпций только лишь к решению процессуальных задач или для материального права они также важны? В советской литературе, можно встретить точку зрения, что «значение презумптивных конструкций полностью совпадает с распределением обязанностей доказывания»⁷² или, как считает исследователь в области советского гражданского процесса Я. Л. Штутин, «презумпции облегчают процесс доказывания или вовсе его заменяют»⁷³ (то есть использование презумпций может быть необходимо только для решения некоторых процессуальных задач). Правовед под презумпциями понимал «логический прием, позволяющий суду в предусмотренных законом случаях или когда это естественно вытекает из смысла закона, признать истинным существование искомого факта (или, наоборот, его отсутствие), не требуя доказательства от стороны»⁷⁴. Однако глубоким заблуждением является считать презумпцию важной только для процессуального права⁷⁵. Материально-правовая презумпция становится недостающим юридически значимым явлением в случае необходимости регулирования правоотношений при невозможности установления со «сто процентной вероятностью» наличия некоторого юридического факта (или его отсутствия). В основе конкретной нормы права может лежать презумпция, которая представляет из себя основание для регламентации порядка осуществления прав и исполнения обязанностей участниками

⁷² Смышлев Л.П. Предмет доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. Изд. МГУ, 1966

⁷³ Штутин Я.Л. Предмет доказывания в гражданском процессе: монография/ Я.Л. Штутин М. 1963 г.

⁷⁴ Там же

⁷⁵ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. «Юрид.лит».М.1961 г.

правоотношения. Однако автор исследования полагает, что презумпция иллюстрирует идеальное взаимодействие материально-правового и процессуально-правового элемента (начала). Так, в ситуации, когда в результате использования презумпции представляется возможным разрешить дело по существу, мы говорим о приоритетной материально-правовой функции презумпции, когда для нас важнее процессуальная регламентация – о приоритетной процессуально-правовой функции. При этом речь идет именно о самостоятельном материально-правовом и процессуально-правовом значении презумпции, а не о материально-правовом отражении процессуальной сущности презумпции, как полагал С.С. Алексеев⁷⁶.

На основе проведенного анализа мы можем дать следующее универсальное определение презумпциям. Презумпция – это индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов, объективированный в форму высоко вероятностного заключения, влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения.

⁷⁶ Алексеев С.С. О составе гражданского правоотношения// «Правоведение». 1958. № 1.

§3. Роль правовых презумпций в праве

Вопрос о роли правовых презумпций остается одним из наиболее дискуссионных в научной литературе. В.Д. Спасович считал, что «юридические презумпции – зло, которого следует избегать»⁷⁷. Юрист сравнивал презумпции с костылями, на которые «законоведение опирается... тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо, а должно разрубить его наугад...»⁷⁸. Существование презумпций, по мнению выдающегося правоведа С. А. Муромцева, обусловлено именно несовершенством юридического мышления⁷⁹. Использование презумпций указывает на невозможность суда «добираться путем правильного исследования до истины»⁸⁰. Соответствующие выводы нами не разделяются по следующим причинам.

Прав Г.Ф. Дормидонтов, утверждая, что основой так называемых законных предположений (автор имеет в виду презумпции) являются не просто вычисления или расчеты⁸¹. Как было сказано ранее, конститутивной особенностью презумпции является не предположение, а процесс по анализу уже существующих юридических фактов, которые могут свидетельствовать о высокой вероятности другого, что исключает «осуществление правосудия наугад». Высокая вероятность (вторая характеристика презумпции), может быть достигнута только с опорой на достоверные доказательства – «свершившиеся» юридические факты. Таким образом, при тщательном их исследовании презумптивное предположение практически не может вызывать сомнений в своей достоверности, а если они появляются,

⁷⁷ Спасович В. Д. Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего Сената по вопросам гражданского и торгового права за вторую половину 1871 г. и первую половину 1872 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2

⁷⁸ Там же

⁷⁹ Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции : Опыт по истории рим. права / [Соч.] Сергея Муромцева. - Москва : тип. А.И. Мамонтова и К°, 1875

⁸⁰ Там же

⁸¹ Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций : Исслед. Г.Ф. Дормидонтова : Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1895

законодатель и правоприменитель предусмотрели механизм их «нейтрализации» – опровержение.

Недопустимо, на наш взгляд, рассматривать презумпции и как результат категорического несовершенства правовой системы. С одной стороны, «истина есть единственно незыблемая основа справедливости, без истины нет правосудия»⁸², и в этой ситуации, отсутствие законодательно предусмотренных мер достижения справедливости может рассматриваться как элемент несовершенства правового регулирования. Однако, с другой стороны, презумпция и есть средство преодоления правовой неопределенности. Соответствующий тезис требует пояснения. Учитывая классифицирующий критерий деления областей применения презумптивных конструкций на материальные и процессуальные, нам также следует дифференцировать роль презумпции в области преодоления правовой неопределенности на материальную и процессуальную. Как мы уже могли убедиться, большинство правоведов исследуют именно процессуально-правовой функционал презумпций (полностью отрицая ее материально-правовой потенциал). В связи с этим, сначала рассмотрим процессуально-правовую функцию презумпции.

В зарубежной правовой литературе конца XIX века господствовал взгляд на процессуальное значение презумпций как на «суррогат доказательства»⁸³. Большинство советских теоретиков сводят значение презумптивных конструкций к распределению обязанностей по доказыванию (то есть рассмотрение процессуальных свойств презумпции для них является наиболее приоритетным для изучения), в подтверждение этому в первом параграфе работы мы уже приводили позицию Л.П. Смышлева. Однако ученым не удалось достичь консенсуса по вопросу о конкретном влиянии презумпции на обязанность по доказыванию. Одни утверждают, что презумпции перекалывают обязанность доказывания факта или, наоборот,

⁸² Софронов Г.В. Проблема истины в уголовном судопроизводстве. - Екатеринбург: ГУ, 2000.

⁸³ Burckhard. Die civilistischen Praesumtionen. — Weimar, 1866

его отсутствие на сторону, противоположную стороне утверждающей о факте⁸⁴. Я.Б. Левенталь⁸⁵, А.Ф. Клейман⁸⁶, Д.И. Мейер⁸⁷, К.С. Юдельсон⁸⁸ были приверженцами концептуально иного подхода относительно роли правовых презумпций в процессе доказывания. Соответствующие авторы не рассматривали презумпцию как специальное правило доказывание в отличие от других правоведов, они считали, что презумпция должна использоваться в качестве исключения из общих правил доказывания и использоваться как основание освобождения от доказывания. Анализ правомерности двух концепций не входит в предмет исследования настоящей работы, однако мы склонны полагать, что использование презумпцией в процессуально-правовых целях действительно модифицирует общие правила распределения обязанностей по доказыванию.

Материально-правовое значение презумпции также имеет не менее важное значение. «Презумпции являются общеправовыми гарантиями вынесения законных и справедливых правоприменительных решений»⁸⁹. Презумпция является гарантией «достоинства» субъекта в отношениях с государством⁹⁰. Так, к примеру, в области налогового права актуализацию роли правовых презумпций связывают с принятием части первой Налогового Кодекса РФ⁹¹. В данном нормативном правовом акте была объективирована политика налоговой справедливости при взаимодействии государства и налогоплательщика, что потребовало включение в кодекс презумпции добросовестности и невиновности налогоплательщика⁹².

⁸⁴ Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997.

⁸⁵ Левенталь Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1949. № 6.

⁸⁶ Клейман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1974.

⁸⁷ Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854.

⁸⁸ Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951.

⁸⁹ Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // «Журнал российского права». 2001. № 4.

⁹⁰ Карасева М.В. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // «Журнал российского права». 2002. № 9.

⁹¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146 -ФЗ (ред. от 01 апреля 2020 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст.3824.

⁹² Карасева М.В. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // «Журнал российского права». 2002. № 9.

Бесспорным представляется тот факт, что правовые презумпции стали важной частью правового регулирования. Отнесение презумпции к неотъемлемой части правового механизма детерминировало и универсализировало ее основной функционал: презумпции ориентированы на охрану и защиту интересов субъектов правоотношений. Однако, как известно, презумпции могут быть использованы в различных областях права, так, применительно к деликтным правоотношениям мы можем говорить о презумпции вины владельца источника повышенной опасности, в уголовном праве и уголовном процессе мы сразу же вспоминаем о презумпции невиновности, в семейной праве – о презумпции отцовства мужа матери ребенка. Очевидно, что данные правоотношения обладают своей спецификой, что непосредственно отражается на функции используемых в данных правоотношениях презумпций. Так, презумпция вины владельца источника повышенной опасности направлена на обеспечение интересов потерпевшего, а презумпция отцовства матери ребенка – на признание интересов ребенка, создание устойчивой правовой связи между указанными лицами⁹³. Специфика правоотношений, для которых использование презумптивных конструкций видится необходимым, обуславливает их уникальную роль в каждом конкретном правоотношении. Аналогичная идея высказана в работах Б.А. Булаевского. Правовед классифицирует презумпции в зависимости от основного назначения презумпций в конкретно взятых правоотношениях. Автор многочисленных публикаций по правовой природе презумпций выделяет четыре основные функции презумпций : признание, реализация, обеспечение и защита интересов субъектов правоотношений⁹⁴.

Таким образом, несмотря на тот факт, что презумпции как феномен правового регулирования, обладающий как материально-правовой, так

⁹³ Черепанин Е.Ю. Презумпция отцовства : постановка проблемы // «Вопросы науки и образования». 2018. №13.

⁹⁴ Булаевский Б.А. Классификация правовых презумпций // «Журнал российского права». 2010. № 11.

процессуально-правовой значимостью, служат таким общеправовым целям, как признание, реализация, обеспечение и защита права, конкретная цель функционирования презумптивных конструкций может видоизменяться в зависимости от специфики состава правоотношений. Учитывая вышесказанное, следующие главы работы мы посвятим изучению специфики презумптивного механизма в отношениях несостоятельности (банкротстве).

Глава 2. Презумптивный механизм в отношениях несостоятельности (банкротстве)

§1. Понятие и место правовых презумпций в системе отношений несостоятельности (банкротстве)

В первой главе нашей работы мы пришли к выводу, что функционал презумптивных конструкций обусловлен общеправовыми целями – охрана и защита интересов субъектов правоотношений. Тем не менее, на примерах из предыдущей главы работы нам удалось выяснить, что конкретная цель функционирования презумптивных конструкций может видоизменяться в зависимости от специфики состава правоотношений. Наибольший интерес для изучения представляет механизм работы правовых презумпций в сфере отношений несостоятельности (банкротстве) по причине правовой исключительности самого института.

В прошлой главе мы условились под презумпциями понимать индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов, обобщенный в форму высоко вероятностного заключения, влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения. Однако для анализа роли правовых презумпций в сфере отношений несостоятельности (банкротстве) соответствующее определение требует некоторых уточнений. Во-первых, необходимо перечислить круг лиц, наделенных законодателем правом использования и применения презумпций. Во-вторых, определить границы прав субъектов правоотношения по вопросу их использования.

Отвечая на первый вопрос, мы безусловно должны вести речь о фигуре должника и кредиторов. Так, в большинстве случаев именно последние путем осуществления доказательственной деятельности в рамках процессуальных механизмов наделены правом апеллировать к суду о применении презумпций. Должник же имеет право соответствующую презумпцию опровергнуть. Однако на этом перечисление круга лиц, обладающих правом использовать и применять презумптивный инструментарий, не заканчивается, необходимо также проанализировать роль суда в механизме

применения презумпций. Конструкция презумпции подразумевает взаимодействие сторон, осуществляющих доказательственную деятельность в пределах процессуальных границ, и суда, который оценивает вероятность существования факта, значимого для материальных правоотношений. Таким образом, мы видим, что использование презумпций участниками отношений несостоятельности (банкротства) – кредиторами и должником – в первую очередь есть результат использования процессуально-правового потенциала презумпций. Безусловно, и «конечными бенефициарами» реализации материально-правовых функций презумптивных конструкций также являются кредиторы и должник (мы имеем в виду способность презумпции влечь правовые последствия, необходимые для защиты интересов субъектов отношений несостоятельности (банкротства)). Однако, как нам видится, именно для суда приоритетным является все же материально-правовое значение. Если мы рассматриваем презумпции как средство преодоления правовой неопределенности, а косвенно вину за сложившуюся правовую неопределенность мы можем возложить именно на законодателя или правоприменителя, то в таком случае использование презумпций требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителя, который непосредственно и будет разрешать дела по существу на основе вышеуказанного средства преодоления правового несовершенства. Именно от суда мы будем требовать максимального внимания к изучению правовой конструкции презумпций, ее функционала, так как в противном случае правовой элемент, выполняющий стабилизирующую роль в правовом регулировании (презумпция), трансформируется в элемент дестабилизации. Таким образом, мы сконцентрируем свое исследование не только на роли правовых презумпций применительно к правоотношениям кредиторов и должника, но также рассмотрим механизм «эксплуатации» презумпций судом.

Ответ на второй вопрос об объеме полномочий субъектов отношений несостоятельности (банкротства) при использовании презумптивных механизмов отсылает нас к исследованию конкретных действий каждого из

субъектов в зависимости от первостепенного именно для данного участника правоотношений (материально-/процессуально-) правового назначения презумпции.

Таким образом, под правовыми презумпциями в сфере несостоятельности (банкротстве) следует понимать индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов (представленных участником отношений несостоятельности (банкротства) с учетом особых правил распределения обязанности по доказыванию) судом, объективированный в форму высоко вероятностного заключения, являющегося основанием для разрешения дела по существу и влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения.

Исходя из соответствующего определения, ключевая роль правовых презумпций в институте несостоятельности (банкротстве) может быть сведена к следующему.

Во-первых, правовые презумпции могут быть положены в основу судебного акта (их мы будем называть презумптивным).

Во-вторых, роль презумпции также заключается в модификации концепции свободы судейского усмотрения в делах о банкротстве.

Начнем наш анализ с концепции презумптивного судебного акта. Институт несостоятельности (банкротства) знает довольно много примеров применения презумптивных конструкций (в отличие от иных правовых институтов, отраслей права) : презумпция неплатежеспособности гражданина (абз. 2 п. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве), ряд презумпций в отношении контролирующих должника лиц (п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве), презумпция инкорпорации и иные. Большая концентрация правовых презумпций и специфика их применения является особенностью Закона о банкротстве.

Для анализа роли правовых презумпций в процессе осуществления правосудия обратимся к судебной практике: приведем извлечение из определения Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда

РФ № 302-ЭС17-9244 по делу № А33-17721/2013⁹⁵, подтверждающее вышеуказанное утверждение. «Выводы суда апелляционной инстанции об отсутствии совокупности обстоятельств, позволяющих привлечь Меркулова А.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, сделаны без установления обстоятельств, имеющих существенное для правильного разрешения требования конкурсного управляющего, и без учета презумпции, установленной абз. 4 п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве»⁹⁶.

Несмотря на тот факт, что на данный момент ст. 10 Закона о банкротстве не действует (вместо нее законодатель ввел отдельную главу), является показательной позиция Верховного Суда РФ, Определением которого был отменен судебный акт нижестоящего суда вследствие неиспользования презумптивного механизма при его очевидной необходимости. В основе соответствующего Постановления лежит презумпция, при правомерном использовании которой дело могло было быть разрешено по существу. Судебные акты, в основе которых лежат презумпции, должны быть вынесены с учетом особых правил применения презумптивных норм, в связи с этим мы видим необходимость в выделении их в отдельную группу (концепция презумптивных судебных актов). Так, в зарубежной доктрине соответствующая теория рассматривается как концептуально допустимая. Это объясняется тем, что категориальный аппарат понятия «презумпция» (используемый в зарубежной доктрине) а priori сводится к допустимости разрешить дело по существу на основе презумпции. Рассмотрим некоторые тезисы из работ зарубежных правоведов. «Presumption is a verdict in civil cases rendered in favor of the party whose proofs have most weight»⁹⁷. «Presumption is a rule of law that courts and judges shall draw a particular inference from a particular fact or from particular evidence»⁹⁸. Как видно из данных примеров, англо-

⁹⁵ Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 16 октября 2017 г. № 302-ЭС17-9244 по делу № А33-17721/2013 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

⁹⁶ Там же

⁹⁷ Norman L. Freeman. Reports of Cases at law and in chancery argued and determined in the Supreme Court of Illinois

⁹⁸ Black's Law Dictionary. Eighth Edition. Editor in Chief Bryan A. Garner. Published by West, a Thomson business. 2006. P. 1353.

саксонской правовой традиции свойственно определять презумпцию через руководящий принцип, обязательный для применения судом. Как абсолютно правомерную рассматривают западные коллеги концепцию, в основе которой лежит идея о конститутивной особенности презумпции разрешать дело по существу.

Законность и обоснованность презумптивных судебных актов в отечественной правовой доктрине некоторыми авторами оспаривается⁹⁹. Тем не менее, не все отечественные правоведы являлись категорическими противниками соответствующей теории. Так, О.С. Иоффе говорит об «обязанности суда сделать вывод, вытекающий из презумптивной нормы»¹⁰⁰. Однако справедливости ради отметим, что при определенных обстоятельствах допустимость данной теории, как считал О.С. Иоффе, может стоять под вопросом. Значение презумпций, по его мнению, не может быть сведено к тому, что они выступают в качестве основания судебного акта в случаях, когда их не удалось ни доказать ни опровергнуть¹⁰¹. Данное замечание рассматривается нами как верное, так как мы рассматриваем презумпции, как явление, максимально стремящееся к достижению высокой вероятности существования некоторого факта. И, действительно, не может лечь в основу судебного акта предположение, если полностью отсутствуют факты, свидетельствующие о высоком уровне вероятности существования некоторого факта. Мы уверены, что в случае низкой вероятности существования «гипотетического» факта следует вести речь о недоказанности его, что в свою очередь должно повлечь отказ в удовлетворении требований стороны, ссылающейся на них. Отметим, что в настоящее время судебная практика допускает отказ по соответствующим основаниям. Так, в Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 28 августа 2008 г. № Ф08-

⁹⁹ См. Муромцев С.А., Юдельсон К.С., Левенталь Я.Ю. – Указ. соч.

¹⁰⁰ Избранные труды: Правоотношение по советскому гражданскому праву. В 4-х томах. Т. 1 / Иоффе О.С. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

¹⁰¹ Там же

5049/2008¹⁰² указано, что решением от 11 апреля 2008 г. в удовлетворении исковых требований отказано в связи с недоказанностью заявленных требований. Однако может ли на самом деле «недоказанность определенного факта» свидетельствовать о его отсутствии? Данный вопрос не раз являлся предметом дискуссии в научных кругах. В частности, по данному вопросу высказывался и О.С. Иоффе. Он объяснял невозможность недоказанности фактов лечь в основу судебных решений посредством указания на активную роль советского суда¹⁰³, однако практика в настоящее время идет по иному пути, о чем свидетельствует вышеприведенное Постановление ФАС Северо-Кавказского округа. Исследование общеправовых начал роли суда в процессе не является предметом данного исследования, однако мы считаем, что при применении презумпций роль суда в любом случае не должна быть пассивной, так как именно суд проводит аналитическую деятельность, результатом которой станет высоко вероятностное заключение. На суд в этом случае накладывается большая ответственность при выполнении функции по отправлению правосудия, а, следовательно, и законодатель должен проводить активную работу по выработке детализированных «инструкций» для него.

Как следствие теории презумптивных судебных актов стоит рассматривать тот факт, что презумпции представляют из себя «инструмент правосудия». Презумпции не следует рассматривать только как некую преференцию для сторон (как в процессуальном смысле, так и в материальном). Презумпция есть составляющая механизма вынесения обоснованного судебного акта. Таким образом, мы должны учитывать важность презумптивных конструкций как для защиты и охраны частных правовых, так и для реализации публично-правовых интересов. Однако, данное утверждение затрагивает проблему конкуренции частных и публично-правовых интересов в праве. Если мы будем рассматривать

¹⁰² Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 28 августа 2008 г. № Ф08-5049/2008 по делу № А63-11645/07-С2-34 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

¹⁰³ Избранные труды: Правоотношение по советскому гражданскому праву. В 4-х томах. Т. 1 / Иоффе О.С. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

презумпции только как преференции для отдельных субъектов отношений несостоятельности (лоббировать отдельно взятый частно-правовой интерес), то нарушим их принципиальное равновесие, которое преследует публичный порядок, посредством вынесения правильного и своевременного решения. При этом равновесие интересов, как нам кажется, есть неотъемлемая цель Закона о банкротстве, реализации которой подчинено в частности и применение презумптивного инструментария.

Как известно, одним из приемов юридической техники является установление целевой направленности нормативного акта. Цели могут представлять из себя формально закрепленные законодателем ориентиры или могут таковыми не являться (имеется в виду формальное закрепление в конкретной норме). Даже если в нормативном акте отсутствует прямо выраженная цель, она все равно подразумевается, так как структурным элементом любой деятельности является цель. Именно поэтому любой нормативный акт (как «руководство к действию») будет состоять из положений, представляющих из себя средства достижения этой самой цели.

Несмотря на отсутствие в Законе о банкротстве положений, прямо закрепляющих цели и задачи данного института, ряд исследователей¹⁰⁴ склонны полагать, что одной из целей вышеуказанного института является достижение баланса интересов кредитора и должника. О соответствующей модели взаимоотношений субъектов несостоятельности свидетельствует также характерный для нее общий запрет зачета при том условии, что может быть допущено сальдирование¹⁰⁵. В других правовых системах, где превалирует кредиторская или прокредиторская позиция, допущение зачета регламентировано иначе. Так, во Франции, чье конкурсное законодательство признается ярко выраженной кредиторской системой, зачет признается

¹⁰⁴ Кирилловых А.А. Банкротство физических лиц: новации законодательства о несостоятельности // Законодательство и экономика. 2015. № 6.

¹⁰⁵ Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 12 марта 2018 г. № 305-ЭС17-17564 по делу № А40-67546/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

недействительным¹⁰⁶. М.В. Телюкина указывает, что «в случаях, когда закон не допускает применения зачета, кредиторы оказываются в крайне невыгодном положении: имея встречные требования к должнику, они, тем не менее, должны исполнить свою обязанность по отношению к нему, а затем ждать окончания конкурсного процесса (который может длиться много месяцев, если не лет)»¹⁰⁷.

Правоприменитель также стоит на защите баланса интересов субъектов несостоятельности. Согласно п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»¹⁰⁸, законодатель должен гарантировать баланс интересов кредиторов и должника, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства. Верховный Суд РФ в п. 17 «Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2019)»¹⁰⁹ считает неприемлемым толкование Закона о банкротстве в нарушение баланса интересов кредиторов и должника в процедуре несостоятельности (банкротстве).

Планом мероприятий «Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)», утвержденным Распоряжением Правительства РФ¹¹⁰ предполагалось совершенствование законодательства о несостоятельности (банкротстве) в целях соблюдения баланса интересов должника и кредиторов (следует сказать, что многие из мер по

¹⁰⁶ См.: Wood P. Principles of International Insolvency. London, 1995. P. 101

¹⁰⁷ Телюкина М.В. Применение зачета встречных однородных требований в отдельных видах обязательств // Право и экономика. 2001. № 6.

¹⁰⁸ Постановление КС РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»// СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

¹⁰⁹ Обзор судебной практики ВС РФ №2 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 17 июля 2019 г.)// Официальные документы. 2019. № 28.

¹¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 24 июля 2014 г. № 1385-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)»// СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4440.

совершенствованию законодательства были внедрены путем внесения изменений и поправок в Закон о банкротстве).

Вышеуказанные примеры явно свидетельствуют о тенденции совершенствования законодательства о несостоятельности (банкротстве) относительно установления конструкции баланса интересов кредиторов и должника. В связи с этим, законодатель и правоприменитель должны использовать презумптивный инструментарий таким образом, чтобы не нарушить баланс интересов субъектов несостоятельности. Данная идея также отчетливо прослеживается в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹¹¹. Правоприменитель указывает не только на основания отнесения лица к категории контролирующих, но и перечисляет ряд обстоятельств, которые могут говорить об обратном, что явно свидетельствует о стремлении правоприменителя и законодателя осуществлять регулирование в сфере несостоятельности (банкротстве), поддерживая баланс интересов субъектов несостоятельности (банкротства).

Таким образом, реализация правового механизма в системе законодательства обусловлена его телеологической направленностью. Отличительной особенностью института несостоятельности (банкротства) является тот факт, что применение конструкции презумпций в первую очередь должно быть прозрачно для суда, который стоит на защите публичной цели, установленной законодателем, – достижение баланса интересов кредиторов и должника. В связи с этим, представляется обоснованной позиция Н.С. Караниной о том, что «...законодателя презумпции интересуют не сами по себе, они представляют правовой механизм, с помощью которого можно наиболее эффективно урегулировать общественные отношения и защитить значимые социальные интересы... Презумпции несут в себе четкую целевую

¹¹¹ Постановление Пленума ВС РФ РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

направленность»¹¹². Презумпции выступают именно инструментом, предназначенным для воздействия на общественные отношения определенным образом¹¹³. Однако именно суд путем использования соответствующего инструмента осуществляет данное воздействие на субъектов отношений несостоятельности (банкротства).

Таким образом, нам кажется, что презумптивный потенциал особенно важен для выполнения судом публично-правовой функции по отправлению правосудия.

Нельзя не сказать и о влиянии презумптивного механизма на свободу судебское усмотрения. Конституционный Суд РФ характеризует судебское усмотрение как неотъемлемый и соответствующий целям отправления правосудия элемент процесса принятия решения судом¹¹⁴. Свобода судебское усмотрения является особенностью функционирования судебной власти¹¹⁵. Деятельность суда в любом случае представляет собой осуществление правосудия, она направлена на вынесение законного и обоснованного решения¹¹⁶. Несмотря на это, в последнее время среди членов юридического сообщества актуализировались дискуссии по вопросу роли судебское усмотрения в делах о банкротстве.

Приведем пример «судейское усмотрения» по вопросу о реализации права на добровольное банкротство. «Данная процедура не формализована, и каждая ситуация разрешается индивидуально, оценка доказательств производится судом по своему внутреннему убеждению (принцип судебское усмотрения)

¹¹² Каранина Н.С. Проблематика правовой презумпции // Право: теория и практика. 2005. № 14.

¹¹³ Абрамов С.И. К вопросу о роли правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве // Право и экономика. 2019. № 5.

¹¹⁴ Постановление КС РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»// СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 2001.

¹¹⁵ Там же

¹¹⁶ См.: Мартышина Т.К. План внешнего управления // Правовые проблемы несостоятельности (банкрота) / под ред. С.А. Карелиной. М., 2004.

усмотрения)»¹¹⁷. Правоприменители¹¹⁸ (оценивающие как высокую роль судебного усмотрения в делах о банкротстве) подчеркивают, что в большинстве случаев применение судебного усмотрения обусловлено большим количеством казуальных норм (т.е. законодательных положений, для которых характерна неясность формулировки) в Законе о банкротстве¹¹⁹.

Мы считаем, что не следует рассматривать роль судебного усмотрения в делах о банкротстве как высокую. Широкая дискреция суда объясняется спецификой судопроизводства по делам о несостоятельности: суд наделен управленческими полномочиями. В свое время Г.Ф. Шершеневич отметил, что «состязательное начало в конкурсном процессе имеет несомненно более узкие границы применения, нежели в исковом процессе»¹²⁰. Суд, выполняя управленческую функцию в процедурах банкротства, обеспечивает баланс интересов. Закон о банкротстве предоставляет суду широкую вариативность действий для выбора наиболее оптимального решения для обеспечения баланса интересов субъектов несостоятельности (ранее мы попытались доказать, что отечественный законодатель рассматривает как одну из целей законодательства о банкротстве – цель установления баланса интересов субъектов несостоятельности).

Проанализируем дискрецию суда по вопросам введения процедуры банкротства при отсутствии возможности отложения судебного разбирательства, если первым собранием кредиторов не было принято решение о применении одной из процедур, применяемых в деле о банкротстве. Отсутствие выбора процедуры банкротства явно повлияет на судьбу погашения требований кредиторов. Однако при выборе процедуры суд будет также учитывать положение должника, к примеру, возможно ли введение

¹¹⁷ Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т.2. – М.: Статут, 2019.

¹¹⁸ См.: Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // Закон. 2017. № 8.

¹¹⁹ Федеральный Закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹²⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

финансового оздоровления. Вариативность процедур позволит суду на основании судебного усмотрения выбрать именно ту процедуру, которая будет гарантировать соблюдение баланса интересов субъектов несостоятельности.

Презумпция и свобода судебного усмотрения являются взаимосвязанными понятиями с тем условием, что применение презумпции направлено на ликвидацию правовой неопределенности, разрешение которой также является задачей судебного усмотрения. Проиллюстрируем соответствующие выводы на примере. Согласно п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве¹²¹, арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности. Слово «вправе» явно свидетельствует о дискреции суда по данному вопросу. Тем не менее судебское усмотрение может осуществляться в пределах, установленных законодателем или сформированных судебной практикой. Правильный и своевременный судебный акт будет вынесен с учетом законодательных норм, некоторые из которых содержат в себе презумпции – законодательные пределы, «ориентиры» судебного усмотрения.

Так, законодательно закрепляется презумпция контроля. Лицо в силу п.4 ст. 61.10 Закона о банкротстве предполагается контролирующим, если такое лицо является номинальным руководителем, если учредитель с аффилированными лицами имеют более 50% голосующих акций акционерного общества, если лицо являлось выгодоприобретателем из незаконного или недобросовестного поведения руководителя. Для исключения судебской ошибки и последующего пересмотра судебного акта правоприменителем указаны основания, которые могут являться «базисом» для предположения об отнесении конкретного лица к контролирующему. К

¹²¹ Там же

примеру, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53¹²², выгодоприобретателем из незаконного поведения руководителя должника является лицо, извлечшее существенную выгоду в виде увеличения активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону. Таким образом, в данном случае дискреция суда по вопросу возможности освободить лицо от субсидиарной ответственности будет формироваться под влиянием условий для использования презумптивного механизма. Презумптивный инструментарий делает судебское усмотрение обоснованным, минимизирует ошибочность судебного акта.

Сделаем промежуточные выводы. Одной из задач нашего исследования в первую очередь было сформулировать определение правовых презумпций в сфере отношений несостоятельности (банкротстве) и сделать вывод об их роли в системе правового регулирования. На данном этапе исследования мы уверены, что под правовыми презумпциями в сфере несостоятельности (банкротстве) следует понимать индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов (представленных участником отношений несостоятельности (банкротства) с учетом особых правил распределения обязанности по доказыванию) судом, объективированный в форму высоко вероятностного заключения, являющегося основанием для разрешения дела по существу и влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения. Таким образом, мы рассматриваем презумпции как исключительный элемент правовой системы, необходимый для преодоления правовой неопределенности. Об остальных функциональных особенностях презумпций речь пойдет далее.

¹²²Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

§2. Правовые формы реализации легальных свойств презумптивного механизма в институте несостоятельности (банкротства)

Неоднократно на протяжении всей работы мы употребляли термин «презумптивная конструкция» и/или «презумптивный механизм», на наш взгляд, синонимичный понятию «презумпция». Объясняется это вовсе не желанием избежать тавтологии. Презумпция есть явление комплексное: как мы ранее уже отмечали, в ней гармонично сочетается материально-правовое и процессуально-правовое начало. Однако лишь этим комплексное свойство презумпций не исчерпывается.

Презумпции представляют из себя настолько многогранное явление в праве, что рассмотреть только материально-сущностные характеристики кажется вовсе недостаточным для полноценного изучения их правовой природы. Очень важно обратить внимание и на «технические» особенности самого механизма применения презумпций. Для его анализа необходимо дифференцировать понятия «презумпция» и «норма права». Под последним мы понимаем «общеобязательное, формально определенное правило поведения, установленное либо санкционированное государством и направленное на урегулирование общественных отношений»¹²³. Норма права с «технической» точки зрения также представляет из себя механизм, отвечающий за трансформацию содержательного начала (некий тезис, идея) в правило регулирования с присущими ему законодательно закреплёнными характеристиками. Таким образом, презумпция есть то самое содержательное начало, которое ляжет в основу нормы права и, как следствие, приобретет все ее характерные особенности. При этом подчеркнем, что не каждая презумпция имеет свойство нормативности, в связи с чем, мы можем дифференцировать презумпции на фактические и юридические. Презумпция как содержательное начало нормы права приобретает свойства последней. Путем трансформации в норму права (обратим внимание, что презумптивные

¹²³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2008

конструкции при этом свои свойства не теряют) презумпции становятся частью нормативно-регулятивного аппарата. Через нормы права презумпции получают возможность оказывать правовое воздействие на субъектов правоотношения и тем самым, ликвидировать правовую неопределенность. Именно в силу «закрепления в норме права, презумпция становится частью нормативного предписания»¹²⁴, начинает оказывать непосредственное воздействие на правоотношения¹²⁵. О конкретных формах правового воздействия (формах правовой реализации легальных свойств презумпции) речь пойдет далее.

Способность презумпций быть основанием юридической ответственности как форма правовой реализации их легальных свойств является довольно дискуссионным вопросом, особенно требует правового анализа данная проблема в рамках института несостоятельности (банкротства) с учетом внесения изменений в Закон о банкротстве в 2017г.¹²⁶ Является ли ряд презумпций относительно вины контролирующих должника лиц основанием для привлечения к ответственности последних? Несмотря на тот факт, что правовая презумпция является, на наш взгляд, не основанием юридической ответственности, а ее предпосылкой, мы уверены, что для института несостоятельности (банкротства) следует применить правовую фикцию и рассматривать правовую презумпцию в данной сфере как основание юридической ответственности.

Перед тем как непосредственно перейти к аргументации нашей позиции, мы хотели бы обратиться для примера к ряду законодательных норм. Так, процитируем ст. 8 Уголовного Кодекса РФ¹²⁷ : «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки

¹²⁴ Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы (издание второе, перераб. и доп.). – «Юстицинформ», 2018 г.

¹²⁵ Щёкин Д. М. Юридические презумпции в налоговом праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

¹²⁶ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. №31 (ч. I). Ст. 4815.

¹²⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07 апреля 2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 апреля 2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом»¹²⁸. Обратим вниманием, что отечественный законодатель в качестве оснований уголовной ответственности рассматривает конкретные юридические факты (а не вероятностные предположения). В некотором смысле аналогичный данному состав правонарушения в гражданском праве также включает в себя факт причинения вреда – действие или бездействие противоправного характера, вина (однако как нам известно, данный элемент не всегда является обязательным) и причинная связь. Таким образом, мы не можем уличить законодателя в том, что в различных отраслях права концепция юридической ответственности понимается им двояко.

Теперь обратимся к норме Закона о банкротстве, не имеющей на первый взгляд ничего общего с заявленной проблематикой. Так, согласно п. 1 ст. 20.4 Закона о банкротстве, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, возложенных на арбитражного управляющего..., является основанием для его отстранения арбитражным судом от их исполнения. Законодатель прямо указывает на правовую связь между конкретным фактом как основанием ответственности (а именно неисполнение/ ненадлежащее исполнение обязанностей) и конкретными последствиями (отстранение от выполнения возложенных на него обязанностей). На первый взгляд, мы все также не можем упрекать законодателя в нарушении концептуальных начал теории юридической ответственности и ее непоследовательной имплементации в правовую систему Российской Федерации. На данном примере мы могли убедиться, что и в сфере несостоятельности (банкротства) в основание юридической ответственности также должны быть положены юридические факты. Однако уже в п. 1, 2 ст. 61.14 Закона о банкротстве законодатель отходит от традиционной концепции, тем самым, как может показаться, вносит элемент хаотичности в стройную систему банкротного регулирования.

¹²⁸ Там же

Прочитируем отрывок п. 1 ст. 61.14 Закона о банкротстве – «о привлечении к ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 61.11 и 61.13». Из этого следует, что совокупность юридических фактов (из ст. 61.11 и 61.13), положенная в основу презумптивного механизма, отождествляется с основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. Правомерность такого отождествления обсудим далее.

В общеправовом смысле отождествление презумпций с основаниями юридической ответственности довольно спорно. Напомним, что под презумпциями мы подразумеваем индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов, объективированный в форму высоко вероятностного заключения, влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения. В данный момент наше внимание должно быть сосредоточено на следующем констатирующем тезисе – «объективированный в форму высоко вероятностного заключения». Идеалистической целью презумптивного механизма видится не достижение истины, а максимальное приближение к ней. При абсолютной доказанности юридического факта презумптивные конструкции использованию не подлежат в связи отсутствием необходимости в правовых формах реализации их легальных свойств. При использовании презумпций у нас «есть вероятность (хотя и маленькая) того, что истинным является не то, что предположено, а совсем иное...»¹²⁹. «Основание» же представляет из себя необходимую максимальную убежденность в наличие (или отсутствии) конкретного юридического факта. Таким образом, предположение, базирующееся хоть и на высокой вероятности, с юридическим фактом отождествляться не может. В связи с этим, презумпции в области юридической ответственности в сравнении с остальными презумптивными конструкциями, известными отечественному правопорядку, несколько ограничены в возможности правовой реализации

¹²⁹ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1955.

своих легальных свойств. В тех случаях, когда установление вины является необходимым, действие правовых презумпций не всегда оправдано. Это связано в первую очередь с тем, что недоказанность факта в области данных правоотношений не должна приводить к выводу о его несуществовании, не должна исключаться вероятность его существования.

Вернемся к примеру из Закона о банкротстве – почему законодатель несмотря на все концептуальные противоречия (как это может показаться) все же не только допустил существование подобной конструкции, но и всячески способствовал ее совершенствованию (мы имеем в виду количественное изменение (увеличение) – расширение презумптивного инструментария и его качественное преобразование – детализация правил применения презумпций).

Нормы п. 1 ст. 61.14 отсылают нас в первую очередь к ст. 61.11, в которой идет речь о презумпции вины контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов. К обстоятельствам – основаниям ответственности (и в то же время основаниям презумптивных заключений) относятся : причинение существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения контролирующим должника лицом или в его пользу одной из сделок, отсутствие или искажение документов бухгалтерской отчетности, повлекшие затруднение при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, невнесение или внесение недостоверных сведений о юридическом лице на дату возбуждения дела о банкротстве и другие. Рассматривать соответствующие основания как вполне самостоятельные с учетом их вариативности и правовой детализации видится вполне допустимым. Однако в результате «создания сложной юридической структуры владения с косвенным участием посредством использования схем»¹³⁰ или в результате получения некоторого материального преимущества от «взаимодействия» с офшорными юрисдикциями довольно сложно выявить и доказать одно из

¹³⁰ Шиткина И.С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2017. № 4.

вышеуказанных обстоятельств. «С учетом социально-экономических реалий невозможно отрицать наличие у контролирующего должника лиц возможности скрыть свое влияние, отказавшись от его формального закрепления»¹³¹. По замечанию бывшего заместителя Руководителя ФНС России С.А. Аракелова, «банкротство продолжает оставаться популярным способом уклонения от уплаты налогов. Субсидиарная ответственность данную проблему сможет решить и заставить отвечать реальных бенефициаров».¹³² В этой связи, мы также не можем не упомянуть один из актов ФНС России¹³³ (акт, обладающий нормативными свойствами) – Письмо ФНС России «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ»¹³⁴. В п. 3.1 вышеуказанного акта налоговый орган перечисляет элементы, подлежащие доказыванию, для привлечения к субсидиарной ответственности : статус контролирующего лица у ответчика, последствия в связи с невозможностью погашения требований, а также причинно-следственная связь последнего с действием (бездействием) контролирующего лица. Безусловно, становится очевидным, что соответствующие основания были сформированы, исходя из «общих принципов гражданского права» – общей концепции юридической ответственности, в рамках которой основания представляют из себя совокупность реальных (не «вероятностных») фактов. Более того, о соотношении понятий «презумпция» и «основания юридической ответственности» в акте также указывается. По мнению налогового органа, презумпции, функционал которых сводится лишь к облегчению доказывания, не подменяют собой дополнительные основания для привлечения к

¹³¹Абрамов С.И. К вопросу о роли правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве // Право и экономика. 2019. № 5.

¹³² Повышается направленность банкротства на урегулирование отношений с кредиторами // Коммерсантъ от 25.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3366894>.

¹³³ Появление данного акта (правовая природа которого вызывает сомнения) является также косвенным подтверждением «лоббистской» деятельности ФНС России по вопросу ужесточения правового регулирования в области привлечения к субсидиарной ответственности.

¹³⁴ Письмо Федеральной налоговой службы от 16 августа 2017 г. N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

субсидиарной ответственности. Соответствующая позиция в некотором роде вызывает сомнения. Во-первых, не стоит сводить потенциал презумптивных конструкций лишь к процессуально-правовому значению. «Эффект презумптивного механизма в данной ситуации абсолютно оправдан, как с процессуально-правовой стороны (стимулирование доказательственной активности контролирующего лица), так и с материально-правовой (общая превенция недобросовестных действий по выводу активов со стороны бенефициаров)»¹³⁵. Во-вторых, как было сказано ранее, мы должны констатировать, что институт несостоятельности (банкротства) является привлекательным для злоупотреблений, как следствие которых процесс отыскания и привлечения к ответственности становится практически невозможным, что в свою очередь вынуждает законодателя прибегнуть к правовым механизмам, основанным на высоко вероятностном заключении о неправомерности действий, тем самым придавая особо значимую роль презумпциям в процессе несостоятельности (банкротстве). Исключительность самого института несостоятельности (банкротства) и желание неправомерно пользоваться его механизмами заставляет законодателя придавать большую силу вероятностным заключениям, возводя их на одну ступень с основаниями юридической ответственности. Забегая вперед, мы также не можем не сказать, что столь высокая роль презумптивных конструкций как оснований ответственности объясняется и особой правовой природой субсидиарной ответственности в сфере несостоятельности (банкротства) (данный тезис будет предметом исследования в первом параграфе третьей главы нашего исследования). Таким образом, несмотря на тот факт, что в общеправовом поле мы склонны рассматривать презумпции лишь как предпосылку юридической ответственности, для института несостоятельности (банкротства) с учетом особой необходимости следует применить в порядке

¹³⁵ Абрамов С.И. К вопросу о роли правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве // Право и экономика. 2019. № 5.

исключения фикцию и рассматривать правовую презумпцию в данной сфере как основание юридической ответственности.

§3. Правовая презумпция как форма реализации правового принципа: соотношение понятий «правовая презумпция» и «правовой принцип»

В предыдущем параграфе мы проанализировали правовые формы реализации легальных свойств презумптивного механизма. На примере презумпции вины контролируемых лиц мы рассмотрели вопрос о соотношении презумпций и оснований юридической ответственности. Продолжая исследование правовых особенностей данной презумпции, необходимо также сделать вывод о соотношении понятий «презумпция» и «принцип» в институте несостоятельности (банкротстве).

Начнем с более категориальных утверждений. По данному вопросу в правовой литературе закрепилось дихотомическое деление научных взглядов: одни правоведы уверены, что некоторые презумпции обладают свойствами принципов права¹³⁶, другие, наоборот, считают, что данные понятия должны быть дифференцированы. С учетом того факта, что на протяжении исследования мы неоднократно цитировали сформулированное нами определение правовой презумпции, ее основные свойства на данный момент нам известны, однако для изучения вопроса о соотношении понятий «презумпция» и «принцип» требуется также выяснить конститутивные характеристики понятия «принцип права». Под принципами права мы подразумеваем основополагающие идеи, начала, закрепленные в правовых нормах. Принципы права есть ориентирующая законодателя система координат. Принципы представляют из себя также средство преодоления правовой неопределенности: в случаях необходимости прибегнуть к аналогии права, субъективные права и обязанности будут регламентированы исходя из общеправовых начал, которыми и являются принципы. Нацеленность на преодоление правовой неопределенности, на установление общих начал регулирования правоотношений роднит презумпции и принципы, однако не

¹³⁶ Зацепина О.Е. Соотношение правовых презумпций и иных средств юридической техники // «Вестник ТГУ». 2017. № 424.

всегда соответствующие правовые феномены могут рассматриваться как тождественные. В зависимости от сферы применения презумптивных конструкций и принципов, мы выделяем следующие правовые модели их «взаимодействия».

Модель первая – «принцип презумпции». Согласно первой модели, происходит сращивание «презумптивных» и «принципиальных» (назовем их так) свойств презумпций и принципов (самостоятельных по своей правовой природе конструкций) в единое комплексное явление – «принцип презумпции». Однако отметим, несмотря на тот факт, что мы уверены в исключительности и уникальности свойств правовой презумпции, в конструкции «принцип презумпции» приоритетным все же является так называемое «принципиальное» начало, что позволяет нам согласиться с мнением Т.Г. Тамазяна о том, что «принцип права может быть сформулирован в виде презумпции»¹³⁷. Только благодаря свойствам принципов вероятностные заключения «дотягиваются» до уровня системообразующих начал. С.А. Мосин также говорит об отнесении правовой презумпции к формам существования принципов права¹³⁸. Происходит «конкретизация принципов путем их воплощения в корреспондирующих конструкциях»¹³⁹. Аналогичного мнения придерживается и исследователь правовой природы презумптивных свойств А.О. Кузнецова. Автор многочисленных работ по соответствующей тематике считает, «что нет препятствий к тому, чтобы принцип права был сформулирован в виде презумптивной нормы»¹⁴⁰. В этой связи, не можем не вспомнить, что А.О. Кузнецова также является автором доклада¹⁴¹, целью которого было рассмотреть презумпции как вспомогательные нормы. На наш взгляд, термин «принцип права» как основополагающая идея, начало, явно не

¹³⁷ Тамазян Т.Г. Презумпции в страховом праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

¹³⁸ Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы (издание второе, перераб. и доп.). - "Юстицинформ", 2018 г.

¹³⁹ Там же

¹⁴⁰ Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2004.

¹⁴¹ Кузнецова О.А. Презумпции как вспомогательные нормы гражданского права // Юридическая наука и развитие российского государства и права: тезисы докладов научно-практической конференции / Пермский университет (ПГНИУ). - Пермь, 2002.

может быть выражен во вспомогательных, дополнительных нормах права, к которым А.О. Кузнецова причисляет презумпции. Таким образом, мы констатируем некоторое противоречие в ее научных взглядах относительно вопроса о соотношении правовых презумпций и норм права.

Обратимся к примерам использования «принципов презумпции». В подтверждение факта существования в правовой действительности вышеуказанных конструкций мы рассмотрим принцип презумпции невиновности. В уголовном процессе понятие «презумпция невиновности» раскрывается в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ)¹⁴². Смысл данной презумпции заключается в том, что, пока не будут предоставлены явные доказательства, свидетельствующие о вине конкретного лица в совершении преступления, недопустимо считать его виновным, такое лицо предполагается невиновным. Интересным представляется не только определение презумпции невиновности в УПК РФ, но и место расположение данной нормы в кодексе. Соответствующая норма располагается в Главе 2 УПК РФ, посвященной принципам уголовного судопроизводства. Таким образом, в данном примере презумпция является правовой формой реализации принципа права. Использование соответствующих конструкций (принцип-презумпция) допускается в тех случаях, когда одно без другого существовать не может.

О нецелесообразности применения принципа презумпции невиновности высказывалась и М.Л. Давыдова. По мнению ученого, «использование правового принципа (как идеи основополагающей) может являться утверждением о невиновности» (соответствующее утверждение нам кажется алогичным)¹⁴³. Развивая данную точку зрения, ученый высказывает следующую мысль: «в то же время суть рассматриваемого правового средства состоит как раз в том, что обвиняемый не обязательно является, но считается

¹⁴² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

¹⁴³ Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // «Юридическая техника». 2010. № 4.

предполагаемым невиновным»¹⁴⁴. Таким образом, М.Л. Давыдова противопоставляет «устойчивые» свойства принципа права презумптивным свойствам. Соответствующее утверждение нами не разделяется, так как при проведении компаративного анализа автором были взяты показатели, сравнению не подлежащие. Однако, мы все же допускаем, что в некоторых случаях отождествление правовых принципов и презумпций недопустимо. Данный тезис будет являться аксиоматичным для исследования второй и третьей модели.

Модель вторая – «взаимодействие без отождествления». Лаконичное название второй модели полностью отображает суть правовой концепции, которая заключается в том, что презумпции и принципы в некоторых областях права не следует рассматривать как тождественные, но несмотря на это, для них характерно тесное взаимодействие. Воспользуемся примерами, которые предлагает нам гражданское законодательство, и рассмотрим принцип и презумпцию добросовестности.

Как «внешнее мерило, идеальной социальной модели честности и порядочности субъектов в правоотношениях, которая должна быть применима при оценке отдельно взятой ситуации»¹⁴⁵ рассматривает объективную добросовестность А.А. Кравченко. В рамках гражданских правоотношений мы склонны рассматривать принцип добросовестности как обязательное требование к участникам соответствующих правоотношений, закрепленное в п. 3 ст. 1 Гражданского Кодекса РФ (далее ГК РФ)¹⁴⁶. При этом примечательно, что формальное закрепление принципа произошло путем внесения изменений в ГК РФ Федеральным Законом «О внесении изменений в главы 1,2,3, и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

¹⁴⁴ Там же

¹⁴⁵ Кравченко А.А. Об ответственности за недобросовестность в отношениях несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2.

¹⁴⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ¹⁴⁷. Мы упомянули данный факт, так как презумпция добросовестности (п. 3 ст. 10 ГК РФ) была введена до момента формального закрепления принципа добросовестности. Однако системное толкование гражданского законодательства свидетельствует о том факте, что принцип добросовестности изначально рассматривался как неотъемлемый элемент гражданского права. Таким образом, принцип добросовестности как системообразующее начало устанавливает стандарт честного и порядочного поведения для участников гражданского оборота, мы назовем это обязанностью каждого участника. «Подкрепляет» эту обязанность, установленную принципом, вероятность добросовестного ожидаемого поведения одного из участников. Таким образом, презумптивный механизм является дополнительной гарантией реализации принципа добросовестности (в чем и проявляется взаимосвязь данных понятий), однако с ним не отождествляется. Более того, принцип добросовестности как фундаментальное начало гражданского законодательства направлен на регламентацию гражданских правоотношений в целом, в то время как презумпция добросовестности применяется в отношении конкретных участников гражданского оборота. Как замечает А.Н. Бякова, дифференцирующим критерием роли правовых принципа и презумпции добросовестности является «охват применения»¹⁴⁸. Действие принципа добросовестности направлено на «согласованное исполнение всех предписаний гражданского законодательства, в то время как презумпция дополняет и гарантирует оформление частных процессов»¹⁴⁹.

Модель третья – «либо принцип, либо презумпция». Недопустимость отождествления понятий «принцип» и «презумпция» свойственно для третьей модели. В рамках третьей модели категория «принцип» или «презумпция» рассматриваются как самодостаточные для выполнения целей правового

¹⁴⁷ Федеральным Законом «О внесении изменений в главы 1,2,3, и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

¹⁴⁸ Бякова А.Н. Соотношение принципа и презумпции добросовестности // Вестник научных конференций. 2016. № 2-3 (6).

¹⁴⁹ Иванов Р.Л. О понятии принципов права // Вестник Омского Университета. 1996. № 2.

регулирования, в связи с этим, к примеру, нам кажется, нет необходимости в презумпции добросовестности в институте несостоятельности (банкротстве)., Обоснуем нашу точку зрения. Исключительность правоотношений участников несостоятельности (банкротства) подтверждается спецификой применения принципа добросовестности в институте несостоятельности (банкротстве). Вариативность сущностных особенностей содержания принципа добросовестности характерна для различных субъектов отношений несостоятельности (банкротства) и в рамках различных процедур в деле о банкротстве. К примеру, Закон о банкротстве «непосредственно определяет обязательность добросовестного поведения арбитражного управляющего, предусматривая специальные виды ответственности»¹⁵⁰ (имеется в виду отстранение от исполнения обязанностей, возмещение убытков ненадлежащим исполнением обязанностей, исключение из СРО). Особенно важно оперировать категориями добросовестности в институте банкротства физических лиц, который является относительной новеллой в отечественной системе регулирования несостоятельности (банкротства). Видится необходимым в этой связи упомянуть мнение ведущих специалистов в области несостоятельности (банкротства) – С.А. Карелиной и И.В. Фролова. Авторы многочисленных статей по проблематике несостоятельности (банкротства) подчеркивают особую «притягательность» процедуры банкротства гражданина для злоупотреблений¹⁵¹. Очевидно, что в связи с подобным положением дел, обойтись без использования конструкций добросовестности в Законе о банкротстве в части процедуры банкротства граждан возможным не представлялось. Аналогичное мнение выражено и в актах правоприменителя. Так, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 45¹⁵², которое посвящено разъяснению вопросов о введении в

¹⁵⁰ Артанова М.В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства). - "Юстицинформ", 2019 г.

¹⁵¹ Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения // Право и экономика. 2015. №10.

¹⁵² Постановление Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетене Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

действие процедур в деле о банкротстве гражданина, указано, что одной из целей законодательства о банкротстве является «обеспечение добросовестного сотрудничества должника с судом, финансовым управляющим и кредиторами»¹⁵³. Для обеспечения сотрудничества на гражданина-должника законодатель накладывает ряд обязанностей, к примеру, предоставление достоверных сведений о наличии задолженности и основаниях ее возникновения, а также сведений о доходах. Требования в части добросовестного сотрудничества, по мнению С.А. Карелиной и И.В. Фролова, носят исключительный характер и в первую очередь являются необходимыми для самого гражданина, чтобы оказать ему эффективную и своевременную помощь¹⁵⁴. Без добросовестного сотрудничества со стороны гражданина-должника сводится на нет правовая цель процедуры банкротства граждан, в связи с этим, мы должны предъявлять особые исключительные требования к гражданину-должнику, а малейшие сомнения в его добросовестности рассматривать как предположительное злоупотребление¹⁵⁵. Таким образом, мы полностью согласны с мнением С.А. Карелиной и И.В. Фролова, что сомнения в добросовестности неприемлемы для института банкротства гражданина. Из этого следует, что даже высокая вероятность в данном случае не способна обеспечить достижения целей законодательства о банкротстве, следовательно, в данном случае, применение презумпции добросовестности кажется неуместным. С учетом простора для злоупотреблений принцип добросовестности, являясь системообразующим фактором для института несостоятельности (банкротства), в презумптивных свойствах не нуждается. В связи с этим, мы вынуждены констатировать тот факт, что для достижения целей законодательства о банкротстве (даже с учетом особой роли и специфических свойств) категории добросовестности не должны быть выражены через презумптивные конструкции. Применение

¹⁵³ Там же

¹⁵⁴ Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения // Право и экономика. 2015. № 10.

¹⁵⁵ См. : там же

правовых презумпций обусловлено правовыми приоритетами института несостоятельности (банкротства). В случаях, когда представляется довольно затруднительным разобраться в хитросплетениях множественных схем по сокрытию действительных бенефициаров, без презумпций не обойтись (как, к примеру, это используется в ряде презумпций вины контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований). Однако презумптивные конструкции довольно динамичны и подвержены постоянным изменениям в связи с активной борьбой законодателя со злоупотреблениями, исходя из этого, в данном случае презумпции не могут являться формой реализации принципов как основополагающих ценностно-правовых ориентиров, поэтому отсутствует необходимость возводить презумпцию вины контролирующих лиц в ранг принципов. Не может (да и не требуется) в этом случае допускать презумпцию добросовестности в рамках института несостоятельности (банкротства), так как недопустимо придавать вероятностный характер базовой ценности отношений несостоятельности (банкротства) – добросовестности.

Подводя итог соответствующего параграфа, мы скажем следующее. Не следует говорить о категорической однозначной недопустимости или, наоборот, о допустимости правовой связи понятий «презумпция» и «принцип». В зависимости от специфики конкретного состава правоотношений и правовых ценностей соотношение данных понятий может меняться (как было проиллюстрировано вышеуказанными примерами). Мы склонны полагать, что следует выделять три основные модели соотношения, согласно первой из которых в некоторых случаях видится необходимым признать гибрид «принципа-презумпции» как феномена правового регулирования, однако такое отождествление возможно не во всех случаях.

Глава 3. Механизм применения правовых презумпций в сфере несостоятельности (банкротстве) на примере презумпции вины контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов

§1. Понятие и правовая природа ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности (банкротстве)

В каждом пятнадцатом деле о банкротстве рассматривается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц¹⁵⁶, при этом, «если в 2015 г. удовлетворялось каждое двадцать пятое заявление, то в 2017 г. – каждое четвертое»¹⁵⁷. Мы уверены, что сложившаяся картина есть результат концептуальной борьбы (ключевым средством которой является правовая презумпция) законодателя с недобросовестным поведением должника, а также контролирующего его лица. Недобросовестное поведение указанных лиц нивелирует всякий правовой смысл введения процедур банкротства, нарушает баланс прав и обязанностей субъектов отношений несостоятельности (банкротства). При различного рода нарушениях законодательства о банкротстве невозможно даже приблизиться к целям, преследуемым законодателем при регламентации процедур банкротства. Все это является предпосылкой процесса законодательной формализации концепции расширения возможностей кредиторов по возврату выведенных активов должника – концепции субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего лица.

Фундаментальная реформа субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в случае недостаточности его имущества

¹⁵⁶ Материалы круглого стола «Субсидиарная ответственность владельцев компании-банкрота: как работает этот институт?» // Корпоративные стратегии. 2017. № 4. Приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2017. № 15.

¹⁵⁷ Алферов В.И., Коригов М.М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмент повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // «МИР (Модернизация. Инновация. Развитие)». 2018. № 3.

для удовлетворения требований кредитора была осуществлена в 2013 г.¹⁵⁸ (ст. 10 в прежней редакции Закона о банкротстве). Очень важно также отметить, что Федеральный закон¹⁵⁹, которым были внесены изменения в ряд законодательных актов, имеет общую нацеленность на противодействие незаконным финансовым операциям, что свидетельствует о планомерном исполнении концепции борьбы со злоупотреблениями и в рамках института несостоятельности (банкротства). Уже в 2017 г. вместо утратившей силу ст. 10 была введена отдельная Глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве»¹⁶⁰. Все это привело к положительной динамике роста количества случаев привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. И немалая роль в реализации мер по противодействию незаконным финансовым операциям отводится именно презумпциям, которые стали ключевым механизмом Главы III.2 Закона о банкротстве. Проиллюстрируем вышесказанное статистическими данными.

На схеме под названием «Количество заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности» (рис.1) за указанный период времени мы приводим официальные статистические данные¹⁶¹ относительно следующих показателей: количество поданных заявлений и количество удовлетворённых.

¹⁵⁸ Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

¹⁵⁹ Там же

¹⁶⁰ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. №31 (ч. I). Ст. 4815.

¹⁶¹ Статистические данные приведены в соответствии со «Статистическим бюллетенем ЕФРСБ» на 31 декабря 2019г.

(рис.1)

Как следствие, мы можем фиксировать и рост размера ответственности в обозначенном периоде. Так, по данным ЕФРСБ¹⁶², если в 2016 г. общий размер субсидиарной ответственности составлял 70,6 млрд. рублей, то в 2019 г. данный показатель приблизился к отметке 440,5 млрд. рублей (соответствующие данные отражены на схеме – рис.2).

(рис.2)

¹⁶² Там же

Особое внимание привлекает резкий рост показателя «размер субсидиарной ответственности в млрд. руб.» с 2017 г. по 2018 г. Мы предполагаем, что столь сильный скачок обусловлен детализацией механизма привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (ключевой частью которого, на наш взгляд, являются правовые презумпции), которая произошла путем введения в Закон о банкротстве Главы III.2. С помощью данных примеров мы попытались обосновать востребованность и актуальность данного института, теперь же нам следует более детально остановиться на существенных характеристиках указанного явления.

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является одним из наиболее важных способов защиты прав участников отношений несостоятельности (банкротства). «Введение в Закон о банкротстве понятия «контролирующего должника лица» обусловлено расширением круга субъектов, которые по обязательствам должника могут быть привлечены к субсидиарной ответственности»¹⁶³. Относительно констатирующего тезиса «могут быть привлечены» мы бы хотели указать следующее. Посредством «недобросовестного использования конструкции юридического лица»¹⁶⁴, как отмечает Верховный Суд РФ, выявление факта формализованного контроля над должником кажется весьма затруднительным, в этой связи, призваны к ответственности могут быть и контролирующие лица, воздействие на должника которых является неформализованным¹⁶⁵. О неформализованном контроле могут в первую очередь свидетельствовать отношения родства (или свойства). Иные обстоятельства, дающие основания полагать, что лицо могло определять

¹⁶³ Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т.2. – М.: Статут, 2019.

¹⁶⁴ П. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

¹⁶⁵ Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т.2. – М.: Статут, 2019.

действия должника, перечислены в п.2 ст. 61.10 Закона о банкротстве. Таким образом, контролирующим мы можем назвать лицо, которое в силу определенных обстоятельств, получает как формализованный, так и неформализованный контроль над должником, имеет возможность определять его действия. В этом определении словосочетание «определенных обстоятельств» требует уточнения. Формулируя определение, мы не имели в виду законодательно перечисленных обстоятельств. В связи с вариативностью множественных схем по сокрытию действительных бенефициаров, установление закрытого перечня обстоятельств не является целесообразным. Однако выявление формализованного и неформализованного контроля (формально-юридические признаки аффилированности) обязательно при привлечении к субсидиарной ответственности, и в этом случае без правовых презумпций не обойтись¹⁶⁶. С конкретными юридическими фактами связывает законодатель вероятность лица определять действия должника. Согласно п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, такими фактами могут являться : руководство должником (или управляющей компанией), распоряжение 50% и более процентами голосующих акций и прочие. Однако, если контроль над должником со стороны контролирующего лица приведет к невозможности полного погашения требований кредиторов должника из-за его (имеется в виду контролирующее лицо) виновных действий / бездействия, то данное лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности.

Отметим, что концепция субсидиарной ответственности представляет интерес для нашего научного исследования лишь как сфера для действия презумптивного механизма, ведь как указано в коллективной монографии по проблематике несостоятельности (банкротства) под редакцией профессора С.А. Карелиной, именно введение ряда презумпций в Закон о банкротстве стало результатом реформы субсидиарной ответственности, начиная с 2013

¹⁶⁶ Там же

года¹⁶⁷. Ранее в работе нами были отмечены особые презумптивные свойства оснований привлечения к ответственности контролирующих должника лиц. Мы выдвинули предположение, что в силу исключительности самого института несостоятельности (банкротства) презумпции, являющиеся лишь предпосылками юридической ответственности в общеправом смысле, могут вступать в качестве оснований юридической ответственности именно в сфере несостоятельности (банкротстве). В предыдущих главах мы объясняли данное свойство презумпций как меру концептуальной борьбы законодателя со случаями злоупотребления. Однако данное объяснение само собой не может являться единственным. Для этого нам и необходимо проанализировать правовую природу субсидиарной ответственности.

Характерные особенности деликтной ответственности, по мнению Р.Т. Мифтахутдинова и О.В. Гутникова наличествуют у «субсидиарной ответственности» при несостоятельности (банкротстве)¹⁶⁸. Вышеуказанные авторы склонны полагать, что в связи с тем фактом, что полное погашение невозможно вследствие виновных действий контролирующих лиц, то именно за свои собственные виновные действия и несут ответственность контролирующие должника лица. «По своей правовой природе отношения по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих лиц сходны с отношениями по возмещению вреда» - отмечается и в судебной практике¹⁶⁹. Вид ответственности, на наш взгляд, определяется приоритетно-ценностным для правоотношения элементом. В рамках данного института происходит сосредоточение именно на фигуре контролирующего должника лица и необходимости его привлечения к ответственности как исключение из концепции ограниченной ответственности участника по долгам юридического

¹⁶⁷ Там же

¹⁶⁸ Гутников О.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требования кредиторов // Хозяйство и право. 2018. № 3. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5.

¹⁶⁹ Определение Арбитражного суда Республики Калмыкия от 4 августа 2017 г. № А-22/941/2006 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

лица. Первостепенного регулирования требует именно ситуация, «выходящая за рамки» нормальной юридической практики, ситуация, являющаяся исключением из принципа – основополагающей идеи права. Правовая ситуация, в рамках которой происходит привлечение к ответственности за виновное действие/бездействие, является относительно типичной для гражданского оборота. Мы имеем в виду ситуацию, когда как обычный рассматривается не факт самого виновного действия, которое, конечно же, должно быть квалифицировано как подрывающее гражданский оборот, а факт привлечения к ответственности за такое. Однако нарушение принципа (все же правильнее будет сказать – исключения) представляет из себя ситуацию нетипичную, что в свою очередь заставляет обратить нас внимание именно на нее. В связи с этим, мы считаем правильным рассматривать правовую природу института, получившего название «субсидиарная ответственность контролирующих лиц» в сфере несостоятельности (банкротстве) как аналог теории «проникающей ответственности» в немецком праве, которая последовательно разрабатывалась Е.А. Сухановым¹⁷⁰. Среди приверженцев данной теории мы можем назвать Е.Д. Суворова¹⁷¹ и Д.Д. Быканова¹⁷².

Явными оппонентами нашей позиции выступают А.В. Егоров и К.А. Усачева. Авторы статей по тематике доктрины снятия корпоративной вуали¹⁷³ делают акцент на «первостепенное значение поведения дополнительно привлекаемого к ответственности лица и тот факт, что его поведение привело к банкротству»¹⁷⁴. Как контрагургмент мы можем использовать тот факт, что

¹⁷⁰ Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008-2012 гг. М.: Статут, 2013.

¹⁷¹ Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // «Журнал Законы России: опыт, анализ, практика». 2018. № 7.

¹⁷² Быканов Д.Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8.

¹⁷³ В силу ограниченного содержания и метафоричности понятия «снятие корпоративной вуали» в сравнении с термином «проникающая» ответственность, как отмечает Д.Д. Быканов, данные понятия отождествлению не подлежат.

¹⁷⁴ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина "снятия корпоративного покровов" как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1.

деликтный элемент («виновное» действие/бездействие) является составной частью теории «проникающей ответственности» и рассматривается как неотъемлемый элемент при характеристике поведения контролирующего должника лица, таким образом, не только деликтная концепция учитывает характер деяния. Однако тот факт, что ради достижения целей законодательного регулирования несостоятельности (банкротства) правопорядок готов «пойти на уступки» (мы имеем в виду применить исключение из принципа теории юридических лиц), и свидетельствует о правовой силе и приоритетности интересов субъектов отношений несостоятельности (банкротства). Используя концепцию «проникающей ответственности», мы в очередной раз подчеркиваем приоритетность и исключительность «банкротного регулирования», его превалирование над рядом институтов гражданского права в угоду социально-экономическим интересам. Еще одним аргументом в пользу теории «проникающей ответственности» является тот факт, что, согласно немецкой доктрине, участник несет ответственность из самостоятельного основания, таким самостоятельным основанием и будет являться «виновное» действие/бездействие самого лица. Таким образом, именно теория «проникающей» ответственности наилучшим образом соответствует правовым реалиям в ситуации с привлечением к ответственности контролирующих лиц.

Дискуссия о правовой природе института субсидиарной ответственности является взаимосвязанной с вопросом о правовых формах легальных свойств презумпций. Как мы уже сказали, основаниям субсидиарной ответственности в сфере несостоятельности (банкротстве) придаётся характер презумптивных, хотя, рассуждая о роли презумпций, мы сделали предположение, что в общеправовом смысле презумпции выступают лишь предпосылками юридической ответственности. Дело в том, что, при применении концепции «проникающей ответственности» все наше внимание обращено на фигуру контролирующего должника лица. Для минимизации

злоупотреблений с их стороны (несмотря на одновременную сложность разобраться в хитросплетениях множественных схем по сокрытию действительных бенефициаров) мы прибегаем к использованию презумпции контроля. Однако, даже если результатам выявления неформализованных и формально-юридических признаков аффилированности и контроля мы придаем значение презумптивных (а ведь в данном случае субъект – контролирующее должника лицо – ключевой элемент), то обойтись без презумпций при доказывании обоснованности того или иного факта как основания ответственности недопустимо. То есть, если у нас наличествует вероятностный субъект, то является нарушением всякой логики придавать характер абсолютных его действиям, разумеется, они будут являться презумптивными. В большинстве случаев презумптивный механизм в сфере несостоятельности (банкротства) представляет собой не единичный факт использования презумпции, а последовательное применение их совокупности.

На протяжении всего исследования мы пытались изучить суть такого правового явления как презумпции, все наши теоретические заключения нам хотелось бы продемонстрировать на конкретном примере, в связи с чем, в следующей части работы, мы проиллюстрируем действие правового механизма презумпции вины контролирующих лиц при невозможности полного погашения требований кредиторов.

§2. Действие презумптивного механизма на примере презумпции вины контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов

Статья 61.11 Закона о банкротстве устанавливает презумпцию вины контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов. Примечательно, что по терминологии Закона о банкротстве речь идет именно о презумпции вины, а не о презумпции невиновности. Мы уверены, что именно презумпция вины отражает специфику и цели банкротного регулирования. «Вина – является одним из наиболее сложно доказуемых условий ответственности за вред, причиненный компании контролируемыми ее лицами»¹⁷⁵. Сложности с доказыванием вины и, как следствие, отсутствие гарантий обеспечения должной защиты прав кредиторов может сделать российскую юрисдикцию и инвестиционный климат непривлекательными для создания предприятий¹⁷⁶. В связи с этим, на доктринальном и на законодательном уровне был сделан акцент на переход от презумпции невиновности к презумпции вины. На необходимость ужесточения требований к имущественной ответственности учредителей и органов управления указывается и в составной части общей Концепции развития гражданского законодательства – Концепции развития законодательства о юридических лицах¹⁷⁷.

Пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица – именно так п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве определяет основное правило применения презумпции вины контролирующих лиц. При анализе данной презумпции мы должны установить, отражают ли законодательные нормы Закона о банкротстве все

¹⁷⁵ Кузьмишин А. Ответственность за вред, причиненный компании контролирующим ее лицом: новые тенденции // Корпоративный юрист. 2009. № 10.

¹⁷⁶ Там же

¹⁷⁷ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

сущностные и конститутивные особенности и потенциал презумптивных конструкций, требует ли данное определение уточнений.

В связи с этим, мы вынуждены вновь обратиться к сформулированному нами определению правовой презумпции в институте несостоятельности (банкротстве) и вспомнить легальные свойства презумптивных конструкций. Под правовыми презумпциями мы подразумеваем индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов (представленных участником отношений несостоятельности (банкротства) с учетом особых правил распределения обязанности по доказыванию) судом, объективированный в форму высоко вероятностного заключения, являющегося основанием для разрешения дела по существу и влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения. Исходя из вышеуказанного определения, перед нами стоит задача, во-первых, определить, совокупность юридических фактов (мы назовем их факты-основания), являющихся объектом анализа в рамках презумптивной конструкции, во-вторых, рассмотреть имеет ли данная презумпция материально-правовое значение, в-третьих, определить роль суда и сторон в процессе использования презумпций.

Начнем с изучения фактов-оснований презумпции вины контролирующих лиц. Законодатель допускает применение презумпции вины контролирующих лиц при наличии хотя бы одного из перечисленных им в пп.1–4 п.2 ст.61.11 Закона о банкротстве обстоятельств, свидетельствующих о роли контролирующего лица в невозможности полного погашения требований кредиторов. Как ранее нами было доказано, в связи с особой ролью презумпций в институте несостоятельности (банкротстве) законодатель придает презумптивным конструкциям особый функционал – презумпции являются основанием юридической ответственности в институте несостоятельности (банкротстве). Однако столь весомая роль в системе правового регулирования должна подтверждаться эффективностью применения. На эффективность применения будет влиять высокая степень вероятности презюмируемого факта. Мы уверены, что высокая вероятность не

может достигаться путем указания лишь на один юридический факт, благодаря которому можно заключить о вероятности второго. Начиная с первой главы нашего исследования мы категорически критиковали определение презумпции И.Г. Оршанского, рассматривающего презумпцию как «заключение от определенного факта о существовании другого»¹⁷⁸. Для достижения высокой вероятности действительности презюмируемого факта, как основу презумптивной конструкции мы должны рассматривать именно совокупность фактов. На это указывает и правоприменитель, к примеру, в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹⁷⁹. Законодатель же в п.2 ст. 61.11 Закона о банкротстве указывает на допустимость хотя бы одного обстоятельства свидетельствовать о вине контролирующего лица. Нам кажется, что в этом смысле законодатель допускает именно грамматическую ошибку. Мы делаем соответствующий вывод по следующей причине. Так, «одним из обстоятельств» по указанию законодателя (пп.5 п.2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) является «не внесение на дату возбуждения дела о банкротстве подлежащих обязательному внесению сведений о юридическом лице». В связи с тем, что под обстоятельством мы понимаем конкретный единичный факт, то в цитируемой норме речь скорее идет о совокупности таковых. Таким образом, мы понимаем, что законодатель для достижения высокой вероятности целенаправленно указывает ряд условий, образующих одно из возможных оснований для привлечения к ответственности. Именно благодаря столь широкой детализации конкретного основания (путем перечисления ряда фактов, условий) заключение о гипотетически возможном факте становится высоко вероятностным. Тот факт, что именно совокупность действий должна стать основанием презумпции, говорит и первая часть

¹⁷⁸ Оршанский И. Г. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4, кн. 5

¹⁷⁹ Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

определения презумпции вины. В п.2 ст. 61.11 Закона о банкротстве сказано, что основанием «предположения» является невозможность вследствие действий (указывается на множественное число). На невозможность, к примеру, рассматривать последнюю иницированную контролирующим лицом сделку как единственную предпосылку банкротства указывает и Верховный Суд в Постановлении Пленума № 53¹⁸⁰.

Исходя из этого, мы не обвиняем законодателя в непоследовательной реализации концепции презумптивного механизма в нормах Закона о банкротстве, а лишь указываем, что слово обстоятельство (в единственном значении) для поддержания концептуальной целостности теории правовых презумпций следовало бы заменить термином, который будет свидетельствовать о совокупности фактов как одного из условий основания предполагать контролирующее лицо виновным.

Второй задачей нашего анализа было изучение материально-правового значения данной презумпции. Говоря о правовой природе института субсидиарной ответственности в сфере несостоятельности (банкротстве) в целом, мы склонны рассматривать его как аналог «проникающей ответственности» в немецком праве. Это в первую очередь обусловлено «приоритетной» ролью фигуры контролирующего лица в процессе невозможности погашения требований кредиторов. Множественные схемы по сокрытию действительных бенефициаров, отсутствие формально-юридических признаков аффилированности с должником, а как следствие и ненадлежащее обеспечение правовых гарантий защиты кредиторов – все это делает российскую юрисдикцию и инвестиционный климат непривлекательными. Однако с учетом простора для злоупотреблений механизмы борьбы с ними должны быть им адекватны. В связи с этим, одним из элементов концептуальной борьбы законодателя с недобросовестным поведением должника явились презумпции, обладающие особым как

¹⁸⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

материально-правовым, так и процессуально-правовым значением. Материально-правовое значение презумпции заключается в том, что на ее основании может быть разрешен по существу спор о привлечении к субсидиарной ответственности. Мы уже приводили пример судебного акта, где отмена решения последовала вследствие неучета действия презумпции, в данном разделе приведем в пример несколько выдержек из судебной практики, где прямо указано, что привлечение к ответственности осуществляется на основании презумпции. Так, процитируем фрагмент Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 августа 2018г.¹⁸¹ : «...отсутствие документов бухгалтерского учета, обязанность по ведению (составлению) и хранению которых установлена законодательством Российской Федерации, к моменту принятия решения о признании должника банкротом является достаточным условием (в данном случае, мы хотели бы обратить внимание, что правоприменитель не употребляет термин «обстоятельство») для применения презумпции ... На основании этого суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии оснований для привлечения гражданина Г. к субсидиарной ответственности...». В Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. мы встречаем аналогичную по своему содержанию формулировку: «гражданин Н. был привлечен к субсидиарной ответственности на основании презумпции, выраженной в пп.3 п.2 ст. 61.11 Закона о банкротстве»¹⁸². Таким образом, презумпция проявляет свое материально-правовое свойство как основание ответственности (отметим, что это исключительное свойство «банкротных презумпций»), что и «фиксирует» правоприменитель в судебном акте.

Рассматривая материально-сущностные свойства презумпции, мы затронули и третий вопрос про роль суда в рамках презумптивного механизма.

¹⁸¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 августа 2018 г. N Ф07-9417/18 по делу № А56-94703/2015 // Опубликован не был.

¹⁸² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. N 11АП-20235/19 по делу А65-3552/2017 // Опубликован не был.

Мы не раз доказывали, что презумпция есть процесс анализа вероятности некоторого презумптивного факта, отмечая первостепенную роль именно анализа совокупности фактов-оснований. Процесс анализа и как его результат установление вероятностных фактов есть прерогатива арбитражного суда. Именно суд устанавливает содержание сведений, позволяющих с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованное предположение о контролирующем лице и его (в негативном смысле) «вкладе» в процесс погашения требований кредиторов. Анализируя роль кредиторов и должника в процесс, мы в большей степени должны констатировать их процессуально-правовой вклад в эффективное применение презумптивных механизмов: речь идет о регламентации правил доказывания для сторон. Учитывая тот факт, что презумпции в институте несостоятельности (банкротстве) носят опровержимый характер, то законодатель детально регламентирует и порядок их опровержения. В частности, согласно п. 9, 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве, при доказывании контролирующим лицом факта отсутствия оказания определяющего влияния на деятельность должника арбитражный суд вправе полностью освободить его от субсидиарной ответственности. Для опровержения презумпции контролирующему лицу необходимо доказать отсутствие вины в невозможности полного погашения требований, при этом важно понимать, действовало ли данное лицо согласно обычным условиям гражданского оборота, в интересах должника, и не обусловлено ли банкротство исключительно внешними факторами¹⁸³.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что установленная в Законе о банкротстве презумпция вины контролирующего должника лица за невозможность полного погашения требований кредиторов воплощает в себе все концептуальные особенности такого исключительного феномена правовой системы, как презумпции.

¹⁸³ Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

Заключение

На протяжении всего исследования мы последовательно отстаивали идею исключительности презумптивного механизма в рамках института несостоятельности (банкротства). В сформулированном нами определении правовых презумпций мы попытались отобразить конститутивные особенности данного явления. Нами было предложено следующее определение правовых презумпций. Под презумптивным механизмом мы понимаем индуктивный процесс анализа совокупности юридических фактов (представленных участником отношений несостоятельности (банкротства) с учетом особых правил распределения обязанности по доказыванию) судом, объективированный в форму высоко вероятностного заключения, являющегося основанием для разрешения дела по существу и влекущего юридические последствия для субъектов правоотношения. Рассматривая презумптивный механизм как процесс анализа, мы, во-первых, подчеркиваем то обстоятельство, что, если вероятностное заключение есть следствие влияния юридических фактов-оснований, сомнений в действительном существовании которых быть не может, то именно последние должны являться предметом скрупулезного анализа, во-вторых, мы обращаем внимание на субъективный элемент в процессе анализа – роль суда в применении презумптивных конструкций. Именно суд устанавливает содержание сведений, позволяющих с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованное предположение. При этом мы должны отметить, что именно критерий высокой вероятности (однако же не абсолютности) является неотъемлемым элементом в процессе установление содержания сведений. Непосредственно с данной характеристикой связана и другая конститутивная особенность конструкции презумпций: для достижения максимально высокого уровня вероятности заключение должно базироваться на анализе именно совокупности юридических фактов. Все эти свойства позволяют презумпции являться непосредственным основанием для

регулирования правоотношений в сфере несостоятельности (банкротстве), а также влиять на свободу судейского усмотрения.

Презумпция есть «феномен, который может быть обнаружен на различных уровнях правовой системы. Она может являться как одной из основ правового мировоззрения той или иной правовой системы, так и частным методологическим приемом в процессе юридического доказывания»¹⁸⁴.

Феноменальность презумптивной конструкции в первую очередь обусловлена комплексным характером самого правового явления. Не следует сводить свойство презумпции лишь к процессуально-правовому значению. Презумпция отождествляет баланс материально-правового и процессуально-правового начала, что позволяет презумпциям комплексно бороться с правовой неопределенностью, вследствие этого особую значимость представляют презумпции для целей правового регулирования несостоятельности (банкротства).

Говоря о правовой природе института субсидиарной ответственности в сфере несостоятельности (банкротстве) в целом, мы склонны рассматривать его как аналог «проникающей ответственности» в немецком праве. Это в первую очередь обусловлено «приоритетной» ролью фигуры контролирующего лица в процессе невозможности погашения требований кредиторов. Множественные схемы по сокрытию действительных бенефициаров, отсутствие формально-юридических признаков аффилированности с должником, а как следствие и ненадлежащее обеспечение правовых гарантий защиты кредиторов – все это делает российскую юрисдикцию и инвестиционный климат непривлекательными. Однако с учетом простора для злоупотреблений механизмы борьбы с ними должны быть им адекватные. В связи с этим, одним из элементов концептуальной борьбы законодателя с недобросовестным поведением

¹⁸⁴ Гусева С.В. Место и роль презумпций в структуре юридического знания: философский анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

должника являются презумпции, обладающие особым как материально-правовым, так и процессуально-правовым значением. Материально-правовое значение презумпции заключается в том, что на ее основании может быть разрешен по существу спор о привлечении к субсидиарной ответственности.

Таким образом, роль правовых презумпций в сфере несостоятельности (банкротстве) сводятся к следующему: во-первых, презумпции, являясь основанием субсидиарной ответственности (подчеркнем, что в общеправовом смысле следует рассматривать презумпции лишь как предпосылки юридической ответственности) способны лечь в основу судебного акта, во-вторых, презумпции влияют на модификацию свободы судебного усмотрения, в-третьих, презумпции в сфере несостоятельности (банкротстве) являются ключевым средством для преодоления правовой неопределенности, в-четвертых, презумпции представляют собой гарантии защиты и обеспечения прав кредиторов, при этом широкая регламентация презумптивного механизма не свидетельствует о прокредиторском характере банкротного законодательства Российской Федерации.

Список литературы

Правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07 апреля 2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 апреля 2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146 -ФЗ (ред. от 01 апреля 2020 г.)// СЗ РФ. 1998. № 31. Ст.3824.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
5. Федеральный Закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
6. Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч.1). Ст. 2153.
7. Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.
8. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. №31 (ч. I). Ст. 4815.
9. Распоряжение Правительства РФ от 24 июля 2014 г. № 1385-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты»)

«Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)»// СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4440.

10. Письмо Федеральной налоговой службы от 16 августа 2017 г. N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

Кодекс о браке и семье РСФСР// Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве //СУ РСФСР.1918. №76-77.Ст. 818

Акты официального толкования и применения права

1. Постановление КС РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»// СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 2001.
2. Постановление КС РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»// СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

3. Постановление КС РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»// СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 2001.
4. Определение КС РФ от 20 декабря 2018 г. № 3220-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Барченкова Виктора Николаевича и Барченковой Майи Васильевны на нарушение их конституционных прав частью 3 статьи 170 и частью 4 статьи 175 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики ВС РФ №2 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 17 июля 2019 г.) // Официальные документы. 2019. № 28.
6. Постановление Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетене Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
7. Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
8. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 16 октября 2017 г. № 302-ЭС17-9244 по делу № А33-17721/2013 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 12 марта 2018 г. № 305-ЭС17-17564 по делу № А40-67546/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 28 августа 2008 г. № Ф08-5049/2008 по делу № А63-11645/07-С2-34 // Документ опубликован не был.
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 августа 2018 г. N Ф07-9417/18 по делу № А56-94703/2015 // Опубликован не был.
13. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. N 11АП-20235/19 по делу А65-3552/2017 // Опубликован не был.
14. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 октября 2016 г. № 15АП-14998/16 по делу № А 32-38310/2015 // Документ опубликован не был.
15. Определение Арбитражного суда Республики Калмыкия от 4 августа 2017 г. № А-22/941/2006 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

Монографии, учебники и учебные пособия

1. Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма : Инфра-М, 2013.
2. Артанова М.В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства). - "Юстицинформ", 2019 г.
3. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
4. Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений : монография / Б. А. Булаевский ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва : ИНФРА-М, 2014.

5. Власов А.А. Адвокат как субъект обязанности доказывания в административном, гражданском, арбитражном судопроизводстве. - М.: Прометей, 2017.
6. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. М.: Владос – Пресс, 2001
7. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций : Исслед. Г.Ф. Дормидонтова : Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1895.
8. Вопросы теории права / Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. - М.: Госюриздат, 1961
9. Избранные труды: Правоотношение по советскому гражданскому праву. В 4-х томах. Т. 1 / Иоффе О.С. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
10. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. «Юрид.лит».М.1961 г.
11. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т.2. – М.: Статут, 2019.
12. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948.
13. Кашанина Т.В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник. - М.: «Проспект», 2018.
14. Клейман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1974.
15. Юридические факты в советском гражданском праве / Красавчиков О.А. - М.: Госюриздат, 1958.
16. Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2004.
17. Латино-русский словарь.- 12-е изд., стереотип., изд. ДРОФА, М.,2009 г.
18. Мартышина Т.К. План внешнего управления // Правовые проблемы несостоятельности (банкротства) / под ред. С.А. Карелиной. М., 2004.
19. Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854.

20. Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы (издание второе, перераб. и доп.). - М.: "Юстицинформ", 2018.
21. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. – М., 2003.
22. Ойгензихт В.А. Презумпция в советском гражданском праве. Душанбе, 1976.
23. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России / Под ред. , предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.
24. Рудольф фон Иеринг. Юридическая техника /. - Москва : Статут, 2008.
25. Смышлев Л.П. Предмет доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. Изд. МГУ, 1966.
26. Софронов Г.В. Проблема истины в уголовном судопроизводстве. - Екатеринбург: ГУ, 2000.
27. Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008-2012 гг. М.: Статут, 2013.
28. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // Закон. 2017. № 8.
29. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997.
30. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.
31. Штунин Я.Л. Предмет доказывания в гражданском процессе: монография/ Я.Л. Штунин М. 1963 г.
32. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951.
33. Французский гражданский кодекс 1804 года / Пер. И.С. Перетерского. М., 1941. Приводится по: Юдельсон К.С. Избранное: Советский

- нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 2005.
34. Black's Law Dictionary. Eighth Edition. Editor in Chief Bryan A. Garner. Published by West, a Thomson business. 2006. P. 1353.
35. Burckhard. Die civilistischen Praesumptionen. — Weimar, 1866
36. Pugliatti S. Finzione // Enciclopedia del diritto. Vol. XVII (Milano), 1968. P.
37. Wood P. Principles of International Insolvency. London, 1995. P. 101

Статьи и публикации в прессе

1. Абрамов С.И. К вопросу о роли правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве // Право и экономика. 2019. № 5.
2. Алексеев С.С. О составе гражданского правоотношения // «Правоведение». 1958. № 1.
3. Алферов В.И., Коригов М.М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмент повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // «МИР (Модернизация. Инновация. Развитие)». 2018. № 3.
4. Булаевский Б.А. Классификация правовых презумпций // «Журнал российского права». 2010. № 11.
5. Быканов Д.Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8.
6. Бякова А.Н. Соотношение принципа и презумпции добросовестности // Вестник научных конференций. 2016. № 2-3 (6).
7. Вороной В.И. Добросовестность как гражданско-правовая категория // «Законодательство». 2002. № 6.
8. Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000-2002 годов) // «Журнал Российского права». 2003. № 1.

9. Гуреев В.А. Банкротство физических лиц. Часть I. Основные изменения в законодательстве о несостоятельности // Библиотечка «Российской газеты». 2015. № 9.
10. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требования кредиторов // Хозяйство и право. 2018. № 3.
11. Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // «Юридическая техника». 2010. № 4.
12. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина "снятия корпоративного покрова" как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1.
13. Зацепина О.Е. Соотношение правовых презумпций и иных средств юридической техники // «Вестник ТГУ». 2017. № 424.
14. Иванов Р.Л. О понятии принципов права // Вестник Омского Университета. 1996. № 2.
15. Каранина Н.С. Проблематика правовой презумпции // Право: теория и практика. 2005. № 14.
16. Карасева М.В. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // «Журнал российского права». 2002. № 9.
17. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения // Право и экономика. 2015. №10.
18. Кирилловых А.А. Банкротство физических лиц: новации законодательства о несостоятельности // Законодательство и экономика. 2015. № 6.
19. Кравченко А.А. Об ответственности за недобросовестность в отношениях несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2.

20. Кузьмишин А. Ответственность за вред, причиненный компании контролирующим ее лицом: новые тенденции // Корпоративный юрист. 2009. № 10.
21. Кузнецова О.А. Презумпции как вспомогательные нормы гражданского права // Юридическая наука и развитие российского государства и права: тезисы докладов научно-практической конференции / Пермский университет (ПГНИУ). - Пермь, 2002.
22. Левенталь Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1949. № 6.
23. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2008.
24. Мифтахутдинов Р. Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2018 г. №7.
25. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5.
26. Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы (издание второе, перераб. и доп.). - "Юстицинформ", 2018 г.
27. Оршанский И. Г. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 4, кн. 5.
28. Материалы круглого стола «Субсидиарная ответственность владельцев компании-банкрота: как работает этот институт?» // Корпоративные стратегии. 2017. № 4. Приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2017. № 15.
29. Полянский П.Л. К вопросу об обычае как источнике права в Советской России в 1917-1921 гг. // Вестник Московского Университета (серия 11 «Право»). 2019. № 1.
30. Спасович В. Д. Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего Сената по вопросам гражданского и

- торгового права за вторую половину 1871 г. и первую половину 1872 г.
// Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2.
31. Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // «Журнал Законы России: опыт, анализ, практика». 2018. № 7.
32. Телюкина М.В. Применение зачета встречных однородных требований в отдельных видах обязательств // Право и экономика. 2001. № 6.
33. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // «Журнал российского права». 2001. № 4.
34. Черепанин Е.Ю. Презумпция отцовства : постановка проблемы // «Вопросы науки и образования». 2018. № 13.
35. Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право. 1984. № 1.
36. Шиткина И.С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2017. № 4.
37. Повышается направленность банкротства на урегулирование отношений с кредиторами // Коммерсантъ от 25.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3366894>.

Диссертация и авторефераты диссертаций

1. Гусева С.В. Место и роль презумпций в структуре юридического знания: философский анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
2. Качур Н.Ф. Презумпции в советском семейном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982
3. Сухинина И. В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

4. Тамазян Т.Г. Презумпции в страховом праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004
5. Шахкелдов Ф. Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: Дис. ... канд. юрид. наук. Майкоп, 2006.
6. Ширвиндт А. М. Значение фикции в римском праве : автореф. Дис...канд. юрид. наук. М., 2011.
7. Щёкин Д. М. Юридические презумпции в налоговом праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.